

Рэяга Ланн

Смерть
и Сознание
Том II

Рэйда Линн
Сталь и Золото. Книга 2.
Смерть и Солнце. Том 2
Серия «Сталь и Золото», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66790138
1С-Паблишинг; 0101

Аннотация

Не имеющий даже собственного имени подросток убегает из приёмной семьи и нарекает себя Криксом. Это имя неожиданно вовлекает его в круговорот событий, который затрагивает самых могущественных людей империи. А сам герой с помощью счастливой случайности становится учеником в престижнейшем учебном заведении страны. Рады этому далеко не все. Ведь отпрыски аристократов не любят выскочек из простолюдинов. Впрочем, они не догадываются об истинном происхождении героя. Зато злые силы почувствовали след мальчика, и Крикс вынужден был вступить в противостояние с ними, в котором решалась не только его судьба, но и судьба всей империи.

Эти события позади, теперь четырнадцатилетний подросток становится личным оруженосцем первого рыцаря империи и для него начинается взрослая жизнь. Тем более что на пороге война. Подростку придётся не раз делать выбор – попытаться вмешаться

в то, что в одиночку изменить невозможно, или смириться и пройти мимо. В то же время ему предстоит соприкоснуться с тайными знаниями, которые закрыты для большинства людей этого мира.

Содержание

Глава XVI	5
Глава XVII	67
Глава XVIII	101
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Рэйда Линн

Смерть и солнце

Том 2

Глава XVI

– Значит, ты видел императора?.. – осведомился Миэль-витт с нетерпеливым интересом.

Крикс с деланой небрежностью кивнул – и отхлебнул вина прямо из горлышка бутылки. В самом начале встречи Мирто ненадолго отлучился и вскоре принес галеты, твердый сыр и несколько бутылок эшарета. Крикс всегда подозревал, что Миэльвитт знает какой-то тайный лаз, ведущий в погреб, а сейчас он убедился в этом окончательно.

– О чем вы говорили? – продолжал допытываться Миэль-витт.

– О награде Рикса, надо полагать, – предположил Афейн Рейхан, со свойственной ему ленивой грацией устраиваясь на широком подоконнике их комнаты.

Оруженосец коадьютора снова поднес бутылку к губам, надеясь замаскировать возникшую заминку. Аудиенция у Императора несколько отличалась от того, чего ожидал сам Рикс, и он внезапно понял, что рассказывать о ней друзьям

будет не просто.

Первой неожиданностью стало то, что ожидающий его король был не один. Когда «дан-Энрикс» вошел в кабинет правителя, он сразу же заметил высокого и худого старика, стоявшего возле открытого окна спиной к вошедшему южанину.

Оруженосец коадьютора готов был поручиться, что он еще никогда не видел его раньше. Он не отказался бы узнать, кем мог быть этот человек, который позволял себе так хладнокровно повернуться к императору спиной в его же личном аулариуме.

Словно почувствовав на себе его взгляд, гость Валларикса обернулся. Крикс сразу понял, что первое впечатление о нем, как о глубоком старике, было ошибочным. Правда, длинные спутанные волосы этого человека были совсем седыми, но морщины на худом, обветренном лице скорее говорили об усталости и множестве забот, чем о почтенном возрасте. Когда их взгляды встретились, южанин вздрогнул. Ощущение было таким же материальным, как удар в грудь или волна тепла от хорошо протопленной печи. «Дан-Энрикс» не сумел бы объяснить, что такого особенного было в серебристо-серых глазах незнакомца, но выдерживать этот взгляд дольше одной секунды оказалось совершенно невозможно.

Выручил южанина Валларикс. Сидевший за столом правитель поприветствовал его так, как будто видел энонийца

каждый день.

– Доброе утро, Крикс. Ты уже завтракал?

Южанин смущенно покачал головой. Вопрос Валларикса коснулся слишком занимавшей его темы. Хотя час, по меркам Ордена или Лакона, был не слишком ранний, энониец только успел встать. После вчерашних танцев и беседы с Лейдой энониец уснул как убитый и проспал почти до девяти часов утра. Он как раз собирался пробраться на кухню и добыть себе чего-нибудь поесть, когда слуга сказал, что император ждет его. В другое время мысль об ожидающей его аудиенции обрадовала бы южанина, но пока он шел к аулариуму императора вслед за своим сопровождающим, торжественный настрой «дан-Энрикса» был несколько подпорчен мыслью о еде. Едва успевший попробовать пару блюд на вчерашнем праздничном ужине южанин успел проголодаться так, что сейчас с удовольствием проглотил бы даже ненавидимую в Академии овсянку на воде.

– Понятно, – чуть заметно улыбнулся Валларикс. – В общем-то, я на это и рассчитывал, когда позвал тебя сюда. Я тоже еще не успел позавтракать, так что еду нам сейчас принесут. А ты пока садись к столу и расскажи о вашем возвращении в Адель. Я уже выслушал доклад мессера Ирема, но некоторые детали ему не известны. Будет лучше, если ты начнешь прямо со шторма.

Энониец сел в указанное ему кресло, а Валларикс обернулся ко второму гостю и почтительно сказал:

– Прощу вас, присоединяйтесь, Князь.

Старик, который вовсе не был стариком, уселся с другой стороны широкого стола, задумчиво пристроив подбородок на руку.

Наверное, он маг, – подумал Крикс. Однако подлинной уверенности в собственной догадке юноша не чувствовал. Все магики, которых он когда-либо встречал, неуловимо походили друг на друга, что и позволяло сразу опознать в них Одаренных, но южанин еще никогда не видел среди них кого-нибудь, подобного этому седоволосому. К тому же Одаренные, которых Цитадель считает подходящими для обучения, с момента своего вступления в ученики лишаются прежних имен и титулов, так что никто из них не мог бы называться «князем». Следовало признать, что если этот человек и маг, то какой-то совсем особенный.

Крикс добросовестно рассказал все, что помнил, не забывая во всех подробностях пересказать историю о посещении Галахосом хозяина Линара. Пока мужчины слушали его рассказ, слуга принес горячие овсяные лепешки, островное блюдо из орехов, сыра и песчаных крабов, фрукты и оремис. Криксу пришлось сделать над собой усилие, чтобы не набрасываться на еду с совсем уж откровенной жадностью. А Валларикс, хотя и сообщил, что он еще не завтракал, почти не удостоил угощение вниманием. Даже кубок с оремисом король отставил в сторону, едва пригубив.

Когда юноша замолчал, Валларикс и седоволосый маг

переглянулись. Тот, кого правитель назвал Князем, криво улыбнулся:

– Вот так и действует Тайная магия... Чтобы узнать о планах нашего противника, мне понадобился год упорного труда и постоянных наблюдений, а кое-кому было достаточно пройтись по рынку и купить первого встречного мальчишку. В любом случае, этот рассказ еще раз подтверждает то, что я узнал во время своего визита на Томейн. Последнюю войну никак нельзя считать обыкновенный стычкой из-за спорных территорий.

Император мельком посмотрел на Рикса и решительно сказал:

– Ну, хорошо... вернемся к этому чуть позже, а пока поговорим о том, ради чего мы пригласили сюда Крикса. Я спросил у Ирема, почему ты не надел на вчерашний пир свою Семиконечную звезду, и он сказал, что ты оставил орден в братской могиле павших за Тронхейм. Это и в самом деле так?..

Крикс ощутил, что горло сжало странным спазмом.

– Да, государь... Один мой друг как-то сказал, что если бы он получил Семиконечную звезду, то попросил бы у вас назначить в Тарес нового наместника. Я обещал ему, что попрошу об этом за него. А потом другой человек пожертвовал собой ради того, чтобы эта награда не пропала даром. Я не мог бы носить этот орден так, как будто он принадлежит мне одному.

Темно-синие глаза императора внимательно смотрели на южанина.

– Мне кажется, я понимаю, о чем ты говоришь, – негромко сказал Валларикс. И, выдержав паузу, спросил: – Так значит, ты хотел бы, чтобы я назначил в Тарес нового наместника? А чем антарцев не устраивает Альто Кейр?

– Они считают, что наместником в Антаре должен быть кто-то из местных. И потом... лорд Кейр и его солдаты презирают иллирийцев и антарцев. Они пришли в эти земли с Наином Воителем и всегда будут относиться к Таресу с Иллирией, как к завоеванным провинциям. Поэтому в Заречье и в окрестностях Бербериса всегда полно повстанцев, которые не хотят платить имперские налоги. Крестьяне делятся с ними едой, а повстанцы подбивают молодежь из близлежащих деревень уйти в леса и продолжать борьбу за Вольный Тарес. Теперь, когда люди Бешеного принца перестанут разорять Заречье, многие, конечно, предпочтут остаться на своей земле и жить спокойной жизнью... зато те, которые все-таки решат бороться за Свободный Тарес, уже не должны будут сражаться с «Горностоями» и смогут обратить все силы только на гвардейцев Альто Кейра.

– Как ты думаешь, если я дам антарцам нового наместника, то беспорядки прекратятся?..

Крикс почувствовал себя неловко. Император спрашивал об этом так серьезно, словно энониец был его советником.

– Не знаю, государь, – честно признался он. – Из тех по-

встанцев, которых я знал, большая часть могла бы этим удовлетвориться. Они были бы верны империи, если бы им вернули некоторые из старых вольностей, дали возможность выбирать себе наместника и временно освободили от налогов тех, которые все равно не могут их платить после набегов Бешеного принца.

Валларикс кивнул.

– Ну, хорошо. Я посмотрю, что можно будет сделать, можешь быть уверен в этом. У тебя будут еще какие-нибудь просьбы, Рикс? Ты много говорил о Таресе, но ничего не попросил для самого себя.

– Спасибо, государь, но у меня все есть, – ответил Крикс. Одежду, стол и кров ему предоставляли в гвардии, что же касается наличных денег, то за все эти четыре года он не израсходовал и половины золота, когда-то найденного в Чернолесье.

Император грустно улыбнулся.

– Каждый день имею дело с толпами просителей, но в первый раз встречаю человека, у которого и без меня все есть... Ну что ж. Если когда-нибудь ты все-таки решишь о чем-то меня попросить, можешь прийти опять. Просто скажи моему мажордому, что желаешь встретиться со мной, и можешь быть уверен: я тебя приму.

По его тону энониец понял, что аудиенция окончена. Он встал и поклонился императору. Седоволосый провожал его глазами до тех пор, пока южанин не закрыл за собой дверь.

Мысли об этом человеке занимали Крикса больше, чем он готов был признаться самому себе, однако он почему-то чувствовал, что обсуждать этого человека с побратимами из Академии не следует. В конце концов южанин решил вовсе не упоминать о странном маге, а при случае спросить у сэра Ирема, кто это был.

– Балда!.. – в сердцах воскликнул Миэльвитт, когда «дан-Энрикс» вкратце рассказал о разговоре с императором. – Ты мог, по крайней мере, попросить о том, чтобы тебя посвятили в рыцари!

Крикс покраснел. Не то чтобы мысль о Посвящении не приходила ему в голову, однако, если бы он принес рыцарский обет, ему – за неимением земель и титула – пришлось бы вступить в Орден. И это положило бы конец его мечтам о Лейде Гвен Гефэйр. Нельзя же ухаживать за девушкой, едва успев принести обет безбрачия и нестяжательства!

– Я думал об этом, – сказал он лениво, подражая интонациям мессера Ирема. – Но потом мне пришло в голову, что после Посвящения я уже не смогу бывать в Лаконе и учиться вместе с вами. Мне совсем не в тягость быть оруженосцем сэра Ирема, и я не вижу никаких причин спешить. Будет гораздо лучше, если мы все закончим Академию и станем рыцарями в один год.

Юлиан посмотрел на него с такой теплотой, что Криксу стало стыдно. Разумеется, он помнил о своих друзьях... но Посвящение он отложил, как ни крути, совсем не из-за них.

– Рикс прав! Давайте выпьем за Лакон и ученическое братство! – сказал Миэльвитт, ловко открыв ножом еще одну бутылку. Они выпили, передавая эшарет по кругу. Пресные галеты и сухой, почти не жирный сыр не слишком подходили для закуски – Крикс почувствовал, что у него уже шумит в ушах. Но настроение у него было замечательным – во всяком случае, до тех пор, пока Рейхан не спросил:

– Ты знаешь, что Дарнторн вернулся в Академию?..

Об этом энониец ничего не знал – и удивился этой новости. Он-то наивно полагал, что после возвращения в Адель Льюс постарается как можно реже выходить из дома дядюшки.

– И... как его здесь приняли? – осведомился Рикс, не зная, что еще спросить.

– Не слишком-то приветливо, – заверил князь Рейхан. – Это же правда – то, что говорят о вас с Дарнторном?.. Он действительно пытался выдать себя за убийцу Бешеного принца и присвоил твою славу?

Крикс поморщился.

– Слава... Я убил его из самострела с расстояния в пять шагов, а говорят об этом так, как будто бы я одолел дракона или волколака.

Князь пожал плечами.

– Если хотя бы шестая часть слухов об Эзаре – правда, то он был чудовищем похуже всяких волколаков. В любом случае, Дарнторн – редкая сволочь. И паршивый лжец к то-

му же. Ты знаешь, что теперь его сторонники распространяют слухи, будто бы в истории со смертью Бешеного принца много непонятного, и еще неизвестно, кто из вас на самом деле лгал? Вроде как Ирем решил дело в твою пользу только потому, что ты его оруженосец.

Крикс вспомнил разговор с Ульфином Хоббардом и с трудом справился со вспыхнувшим раздражением.

– Мне наплевать, что они говорят, – отрезал он. А про себя подумал: интересно, это Льюс придумал распусть подобный слух, или же это началось само собой? Понятно, что вассалам дома Дарнторнов надо делать хорошую мину при плохой игре.

– По большей части, в эти рассказы никто не верит, – сказал Юлиан. – На моих глазах одного певца отколотили, когда он решился это повторить.

– Может, и так... Но есть и те, кто принимает этот вымысел за чистую монету. И гораздо больше тех, кто поддакивает ради своей выгоды, – безжалостно возразил князь. – Кстати, нет нужды спускаться в город, чтобы в этом убедиться. Те лаконцы, которые привыкли держаться рядом с Льюбертом, делают вид, что верят в его невиновность.

– Пошли бы и спросили его самого, – в сердцах сказал оруженосец коадьютора.

– Не беспокойся, Рикс. Большая часть людей на твоей стороне, и они постарались, чтобы Льюберт тоже это понимал. В первый же день, когда он появился в Академии, на него по

случайному стечению обстоятельств вылили ведро помоев. Он довольно быстро отказался от обедов в Академии, потому что нашему аристократу не по вкусу пить оремис с мухами или песком. Но когда мы поехали в Эрхейм, то Льюсу пришлось есть и спать со всеми остальными. И поверь, навоз на простыне – это еще не худшее, что Люберт находил в своей постели.

Крикс сам не знал, смеяться ему или плакать.

– Блестяще... Друзья Льюса втаптывают меня в грязь, а вы в отместку сыплете ему в оремисдохлых мух и мажете постель навозом. Скажи, Афейн – тебе это не кажется нелепым?

– Вот уж нет, – спокойно сказал князь. – Мне кажется, что Льюсу следует убраться из Лакона. И если для того, чтобы он это понял, кто-то должен заливать чернилами его рабочий стол или бросать ему в тарелку дождевых червей – то так тому и быть.

Крикс понял, что тут он ничего не добьется. Он сказал:

– Не хочу больше слышать о Дарнторне. Давайте поговорим о чем-нибудь другом...

Уже давно стемнело, и в соседних комнатах улеглись спать, но в спальне Миэльвитта, Лен-Деннора и Рейхана до сих пор пили вино и разговаривали обо всем подряд. Из сада все заметнее тянуло холодом, но захмелевшим до головокружения лаконцам было жарко.

Они даже не сразу заметили, что дверь в комнату откры-

лась, пропуская худощавого мужчину в черной одежде ментора, с внимательными карими глазами и заметной проседью, сквозившей в темной бороде и волосах. Первым мастера увидел Миэльвитт. Он пихнул в бок «дан-Энрикса», а тот метнул предупреждающий взгляд на оседлавшего открытое окно Рейхана. В спальне сразу стало очень тихо.

– Сигнал к тушению огней был полчаса назад. А ваши крики слышно внизу лестницы, – строго сказал наставник Хлорд. – Афейн, немедленно слезь с подоконника. Бутылки можете не прятать, я уже все видел... Надеюсь, вы понимаете, что если бы сюда зашел не я, а мастер Вардос, у вас всех были бы большие неприятности.

– При чем тут Вардос? – встрепнулся Крикс. – Это же не его отряд.

– Наставник Вардос – новый глава Академии, – сухо ответил Хлорд. Крикс возмущенно покосился на приятелей. Столько часов болтать о всякой ерунде и умолчать о такой важной новости!.. Впрочем, он покинул Академию слишком давно. Наверное, его друзья давно привыкли к новой должности Нетопыря.

– Мы ничего не сделали, наставник, – возразил Рейхан. – Просто отпраздновали возвращение «дан-Энрикса» и его награждение Стальной звездой.

Взгляд мастера смягчился.

– Понимаю. Крикс... я присоединяюсь ко всем поздравлениям твоих друзей. Наши наставники могут гордиться тем,

что ты несколько лет учился в Академии. Мы здесь кое-что слышали о смерти Бешеного принца и о взятии Зимнего города, и я буду признателен, если ты как-нибудь зайдешь ко мне и расскажешь об этих событиях чуть более подробно.

Криксу стало стыдно. Он подумал, что наставник Хлорд, принявший его в Академию, заслуживал того, чтобы он посетил его сразу же после возвращения. А получается, что он забыл о Хлорде ради пьянки.

– Извините, что я не пришел сегодня, мастер Хлорд.

В глазах наставника зажглись насмешливые огоньки.

– Ничего страшного. Я думаю, ты и так неплохо провел время. Даже слишком... Мало кому удавалось нарушить столько правил разом. В будущем, если вы соберетесь что-то праздновать, будьте добры спуститься в город.

– Да, наставник.

Мастер улыбнулся. Вероятно, ему вспомнилось, сколько раз южанин с самым честным видом говорил эти слова, а потом делал все наоборот. Но потом ментор снова посуровел.

– Вы уже давно не первогодки. Я не собираюсь читать вам нотацию о том, что в Академии вино запрещено. Но, судя по клейму, эти бутылки взяты из лаконских погребов. Я хочу знать, кто из вас это сделал.

Миэльвитт смущенно ухмыльнулся. Мастер обернулся и пару секунд молча смотрел на Мирто.

– Мне жаль, что это кажется тебе смешным, – сказал он, наконец. – Конечно, что-то утащить с кухни – это еще не

воровство. Но сейчас такое время, что еды становится все меньше. Скоро ее будет не хватать на всех. А значит, каждый, кто берет что-то из погреба, таскает у своих товарищей. Когда решишь наведаться в кладовку в следующий раз, имей это в виду.

Мирто отвел глаза.

– Спокойной ночи, – сказал мастер. – Я надеюсь, через час вы все будете спать. Крикс... если ты не намерен ночевать в Лаконе, заberi с собой эти бутылки.

И, кивнув им на прощание, наставник вышел в темный коридор.

– Как думаете, он расскажет Вардосу?.. – убито спросил Миэльвитт.

– Конечно, нет, – отрезал Крикс. – Когда это Хлорд бегал жаловаться Нетопырю?.. Но все-таки он прав. Не надо больше лазить в погреб.

– Понял, не дурак, – проворчал Миэльвитт.

Рейхан поднялся на ноги и слегка пошатнулся. Он выпил больше остальных, но настроения это ему ничуть не испортило.

– Пойдем, «дан-Энрикс», – сказал князь немного заплетаящимся языком – Мы тебя проводим до ворот.

Потом они шли через сад, и Юлиан обнимал его за плечо с одной стороны, а Афейн Рейхан – с другой. Мирто всюду возносил девчонку из какого-то трактира в Нижнем городе, доказывая, что она красивее любой придворной дамы,

и требовал подтверждения от Рейхана, побывавшего в этом трактире вместе с ним. Князь с аристократическим пренебрежением наморщил нос: тоже еще «красавица»! Мелкая, как комар, нос в конопушках, руки в цыпках... Мирто не на шутку рассердился и пообещал подбить Афейну глаз, если тот сейчас же не возьмет свои слова назад. Князь усмехнулся и покладисто признал, что он ошибся, а избранница его приятеля – само очарование.

«Дан-Энриксу» очень хотелось рассказать своим друзьям о Лейде Гвенн Гефэйр, но он понимал: это потому, что он так сильно пьян. Поэтому он просто молча улыбался, слушая своих друзей.

Даже когда Афейн спросил его, не познакомился ли он в Каларии с какой-нибудь местной красавицей, Крикс ограничился загадочной улыбкой.

– Останьте от Рикса, – неожиданно серьезно сказал Юлиан. – Марк говорил, что он влюблен.

Крикс удивился. Он, и правда, был влюблен, но вот откуда это мог узнать Этайн? Разве что он видел, как южанин поднимал цветок Лейды Гефэйр, а потом самостоятельно додумал остальное? Маркий всегда был очень умен.

– Это правда? – с жадным интересом спросил Миэльвитт.

– Да, – ответил энониец просто.

– Ну, тогда понятно! А я все гадал: почему ты целый день так мало говорил и сидел с такой дурацкой рожей.

Миэльвитт отвесил челюсть и продемонстрировал, как

именно, по его мнению, выглядел Крикс.

В ответ южанин симитировал прямой удар в лицо, и Миэльвитт дурашливо отпрыгнул в сторону. Они уже успели выйти за ворота Академии, когда от ограждающей Лакон стены внезапно отделилась чья-то плотная, плечистая фигура. Крикс запоздало узнал Нойе Альбатроса. Остальные с удивлением уставились на молодого хмурого мужчину в кожаной походной куртке и с мечом на поясе. Надо сказать, что вид у Нойе был достаточно внушительным. Крикс заметил, как Рейхан и Лэр растерянно переглянулись.

– Это твои друзья, дайни? – деловито спросил Нойе.

– Да, – сердито сказал Крикс. – Что ты тут делаешь?

– Ну, я пошел искать тебя, но тебя не было ни во дворце, ни в этом вашем Адельстане. А потом какой-то парень сказал мне, что ты можешь быть в Академии.

Крикс тяжело вздохнул. Но делать было нечего, и он представил Альбатроса своим спутникам.

– Это Нойе, сын гета Норана из Дома Серебряного Альбатроса.

Хотя его побратимы вежливо поздоровались с рыжим островитянином, его присутствие явно стесняло всю компанию. Пару минут спустя Рейхан сказал, что им, наверное, уже пора идти назад, и вскоре Крикс и Альбатрос остались у калитки в одиночестве.

– Может, теперь ты объяснишь, зачем тебе понадобилось искать меня по всему городу? – осведомился Рикс.

– Тебя искал не только я. Была еще компания под предводительством какого-то Ульфина Хоббарда. Они успели побывать во всех местах, где ты мог быть, а потом пришли сюда и стали ждать. Причем, судя по виду, ничего хорошего они не затевали.

– Ты с ними не разговаривал?

– Да как тебе сказать... Когда я только появился здесь, один из них подошел ко мне и спросил, что я здесь делаю. А я сказал, что жду своего друга, которого все зовут «дан-Энриksom». Они немного пошептались и ушли. Я думаю, что они просто трусы.

– Ну, а если они трусы, чего ради ты собрался меня защищать?

– Их было шестеро, – пожал плечами Альбатрос.

Крикс присвистнул. Во дворце с Ульфином Хоббардом было трое приятелей. Выходит, теперь он нашел еще двоих. Немного утешало то, что убивать его они, наверняка, не собирались – скорее, им хотелось припугнуть оруженосца коадьютора, а если повезет, то надавать ему по морде.

– Все равно, тебе не нужно было здесь торчать. Я бы и сам прекрасно справился, – вопреки всякой очевидности сказал он Альбатросу.

Тот дипломатично промолчал. Но Крикс не собирался оставлять этот вопрос невыясненным.

– Почему ты вообще повсюду за мной ходишь, как привязанный? Ты мне не присягал.

– Когда кто-то приходит к кённингу и просится к нему в дружину, кённинг может либо выгнать его вон, либо принять в свой хирд. Ты ничего не возразил, когда я говорил, что счел бы честью для себя ходить на твоём корабле. Но если хочешь, я могу поклясться на крови в доказательство серьезности своих намерений...

«Дан-Энрикс» даже протрезвел от таких слов.

– Что ты мелешь, Нойе? Я не кённинг и никогда им не буду. По вашим законам вождю полагается иметь корабль, золото и собственный надел земли на берегу. У меня ничего такого нет.

Крикс боялся признаться самому себе, что слова Нойе, кроме замешательства, вызывали в нём другое, противоположное по смыслу чувство. То, что другой человек – и не какой-нибудь, а Нойе Альбатрос – мог присягнуть ему на верность, очень льстило его самолюбию. И, тем не менее, это было чистым безумием. Можно себе представить, какой из него получится сеньор: пятнадцать лет, имущество, заключающееся в паре дюжин полумесяцев, оставшихся от найденного в Чернолесье кошелька, и служба в Ордене. Да в его положении человек не способен что-нибудь решать за самого себя, не говоря уже о ком-нибудь другом!

Но Нойе понял возражение «дан-Энрикса» по-своему.

– Это не страшно, дайни, – успокоил он южанина. – На Островах помнят многих славных кённингов, у которых тоже не было ни корабля, ни собственного дома. Например,

Хальвдан Изгнанник или Эймунд Сухорукий...

– Хватит! – закатил глаза «дан-Энрикс». – Я не признаю тебя своим вассалом. Может быть, у вас на Островах достаточно сказать кому-нибудь, что ты хочешь ходить на его корабле, и дело будет сделано, но здесь, у нас, это совсем не так.

– А как это обычно делают у вас?

Крикс подумал, что их разговор опять зашел куда-то не туда, но не ответить он уже не мог.

– Ну... смотря где и как дается эта клятва, – неохотно отозвался он. – В мирное время будущий вассал должен прийти к сеньору, опуститься на одно колено и вложить ладони ему в руки, а потом поклясться ему в верности. В ответ сеньор клянется помогать вассалу и его семье, а после этого дарит ему какую-нибудь вещь, скрепляющую эту клятву. Ну, а если дело происходит на войне, вассал просто целует меч сеньора и берет себе его кольцо или перчатку.

– Ваш обычай опускаться на колени – просто глупость, – заявил на это Альбатрос. – Второй вариант, который с мечом, мне больше нравится.

Крикс тяжело вздохнул. Похоже, спорить с рыжим было совершенно бесполезно – проще подождать, пока он сам поймет, что «кённинга» из энонийца не получится.

Когда аудиенция закончилась, и Крикс покинул кабинет правителя, в комнате наступило неуютное молчание. Правитель не спешил вернуться к прерванной беседе, а Седой, казалось, вообще забыл о ней. Он продолжал задумчиво смот-

реть на дверь, закрывшуюся за южанином. Вальдер не отказался бы узнать, о чем в эту минуту думает Седой.

Князь появился во дворце сразу после того, как император получил известие о возвращении мессера Ирема и Крикса. Впрочем, в первую минуту Император даже не узнал Седого – так разительно переменился Князь за несколько прошедших лет. Во внешности Седого появилось куда больше человеческого. Он осунулся и похудел, на лбу и возле глаз у него появились морщины, которых раньше не было, а потускневшие до пепельного цвета волосы были небрежно перевязаны тесьмой, как у какого-то писца или мастерового. Не знающий Седого человек даже не догадался бы, что гость Валларикса может быть связан с Тайной магией. Просто высокий и худой старик, проделавший тяжелый путь и утомленный этим путешествием.

Сам Валларикс при виде Светлого испытал уже ставшую привычной смесь радости и раздражения. С момента прошлого визита Князя прошло около трех лет, на протяжении которых тот ни разу не давал о себе знать. А перед этим Князь покинул их, не удосужившись ответить на вопросы, занимавшие Валларикса – хотя правитель полагал, что после выпавших на его долю испытаний он вправе рассчитывать на откровенность Светлого.

А вот теперь Седой вернулся – как обычно, неожиданно и без предупреждения.

Словом, у Валларикса была масса причин почувствовать

себя рассерженным. Но когда Князь, коротко поприветствовав его, устало опустился в кресло, раздражение Вальдера схлынуло само собой. Он никогда еще не видел Светлого настолько старым и усталым. Император неожиданно подумал, что долгие отлучки Князя могут быть связаны отнюдь не с его безразличием к делам дан-Энриков, а с тем, что Светлый еще больше нужен где-то в другом месте. «Интересно, сколько человек он навещает так же, как меня?» – спросил себя Валларикс, ощутив нечто вроде укола ревности. До сих пор император полагал, что Князь «принадлежит» династии дан-Энриков и занимается по большей части их делами.

Седой настоял на том, чтобы лично присутствовать на будущей аудиенции «дан-Энрикса». У Ирема эта идея почему-то вызвала резкое недовольство. Когда Валларикс сказал ему об этом, рыцарь сдвинул брови.

– Парень только вернулся из Каларии. Неужели нельзя дать ему чуть-чуть пожить спокойно?..

Это было настолько неожиданно, что император посмотрел на коадьютора почти растерянно.

– Но слушай, Ирем... Князь всего лишь хочет посмотреть на мальчика. Не понимаю, что в этом плохого.

Ирем резко рассмеялся.

– Бросьте, государь. Не мне вам говорить, что Светлый ничего не станет делать просто так. Если он внезапно захотел увидеть Рикса – значит, он намеревается опять вмешаться в его жизнь. А у планов Князя есть один серьезный недоста-

ток – эти планы плохо отражаются на тех, с кем они связаны. Седому свойственно взвалить на человека непосильную ношу, а потом сказать, что это воля Изначальных Сил. Или что самый верный путь – не обязательно самый приятный. В том, что касается других людей, пусть поступает, как ему угодно, но если речь идет о Риксе, то Седому не мешало бы сначала получить мое согласие.

Император изумленно посмотрел на рыцаря.

– О чем ты говоришь?.. Мое согласие – еще куда ни шло: Крикс мой племянник. Ну а ты-то здесь при чем?

– Он мой оруженосец, – процедил лорд Ирем. – И я думаю, что он прекрасно проживет без Тайной магии – во всяком случае, пока не повзрослеет и не сможет сам решать, стоит ли в это ввязываться.

– В его возрасте ты не считал себя ребенком, – напомнил Валларикс.

Калариец как-то странно pokrивился.

– Я и не сказал, что он ребенок. Но... честное слово, государь, Крикс еще слишком молод для затей Седого.

– Я уверен, что никто не станет требовать от мальчика чего-то такого, на что тот не согласится сам.

– Именно этого я и боюсь, – отрезал коадьютор.

Валларикс тогда не понял, с чего его старый друг так сильно разозлился, но сейчас, поймав сосредоточенный и отрешенный взгляд Седого, заподозрил, что сэр Ирем знал, что говорит.

Сентябрь в этом году выдался на редкость солнечным и теплым, и больных в лаконском лазарете было мало – только новичок, который заболел во время путешествия в Адель, и юноша из пятого энгильда, Марк Этайн. Именно с последнего целитель начал утренний обход, не ожидая здесь каких-нибудь особых сложностей. Этайн явился в госпиталь с распухшим горлом и начинающейся лихорадкой, но с тех пор прошло уже пять дней, и Маркий выглядел вполне поправившимся.

Лекарь мимоходом прикоснулся ко лбу юноши и с удовлетворением отметил:

– Жара нет. Как ты сегодня себя чувствуешь?

– Плохо, – коротко ответил Марк. Это был совсем не тот ответ, которого ожидал лекарь.

– Что у тебя болит? Горло, голова?..

– Да... горло. И все остальное тоже, – отрывисто буркнул юноша. Лекарь приподнял брови.

– Открой рот.

Беглый осмотр показал, что никаких видимых признаков простуды у Этайна не осталось.

Лекарь озадаченно нахмурился.

– Мне кажется, что ты вполне здоров, – заметил он. Обвинять Маркия в обмане ему не хотелось – в конце концов,

Этайн никогда раньше не проявлял склонности к притворству.

– Нет, я болен!.. – выкрикнул Этайн. Кровь бросилась ему в лицо, и сейчас Маркия действительно можно было принять за человека в лихорадке.

Лекарь почувствовал себя сбитым с толку. Большинство учеников считали госпиталь самым тоскливым местом на земле и готовы были идти на любые уловки, только бы скорей вернуться в свою башню. Правда, иногда кто-нибудь из лаконцев все-таки пытался задержаться в лазарете, чтобы отделаться от занятий или от каких-нибудь обязанностей, но они обычно имитировали слабость, говорили тихим голосом и вообще всем своим видом демонстрировали, что находятся в полушаге от могилы. Ни один из них пока не пробовал буянить в лазарете, доказывая, что он нездоров. И меньше всего такого поведения можно было ожидать от сдержанного Марка.

Лекарь взял Этайна за запястье. Пульс был учащенным, но, скорее, от недавней вспышки раздражения, чем от чего-нибудь другого. Лекарь готов был поклясться, что молодой человек, которого он держит за руку, обладает прекрасным здоровьем.

– В данный момент я не вижу никаких причин задерживать тебя в лазарете, – откровенно сказал лекарь Марку. – Но если ты в самом деле чувствуешь себя так плохо, как говоришь, то тебе еще рано приступать к занятиям. Думаю, я

оставлю тебя здесь, чтобы понаблюдать за твоим состоянием.

Марк вздохнул с явным облегчением, и лекарь мысленно спросил себя, почему юноше так хочется остаться в лазарете. Марка никогда не бывало среди «упавших с лестницы» учеников, которых приводили в госпиталь с кровоподтеками и синяками на лице – а значит, дрался он нечасто. Недоброжелателей, из-за которых юноше пришлось бы отсиживаться тут, у Марка тоже не было. Наоборот, с первого дня его болезни побратимы Маркия буквально осаждали лазарет, упрашивая пропустить их внутрь (этим лекарь отказал по просьбе самого Этайна, который категорично заявил, что он не в состоянии никого принимать). Словом, ситуация с Этайном выглядела совершенно непонятной.

После ухода лекаря Марк сидел на постели, поджав ноги, и страдал. То, что он делал, выглядело в его собственных глазах не только малодушием, но и просто глупостью. Не может же он оставаться в лазарете всю оставшуюся жизнь. Пусть не сегодня и даже не завтра, но ему все равно придется встретиться с «дан-Энриksom». И вернуться на службу к королю. Будь это не Валларикс, а кто-то другой, еще можно было бы надеяться, что за время болезни Марка он найдет себе другого секретаря и откажется от услуг Этайна, но такой поступок был совершенно не в характере правителя. Значит, после своего выздоровления Марку придется возвращаться во дворец, снова проводить утренние часы за переписыванием бумаг в кабинете императора... и рано или поздно встретить

там Элиссив.

Маркий стиснул зубы. В день, когда в столице чествовали лорда Ирема с «дан-Энриксом», он пробрался во дворец, чтобы увидеться с Криксом и передать ему, как сильно его ждут в Лаконе. Лэр и Рейхан наговорили еще тысячу вещей, но Маркий справедливо рассудил, что остальное они скажут Криксу сами. Орденские рыцари давно привыкли к Маркию и пропустили его безо всяких расспросов, хотя впору было удивиться, зачем Валлариксу секретарь на празднике. О том, чтобы пробраться в тронный зал, Маркий даже не помышлял – он собирался подождать южанина где-нибудь в коридоре или в галерее. Правда, под конец терпение Этайна лопнуло, и он все-таки заглянул в Зал тысячи колонн – но только для того, чтобы узнать, что Крикс примерно час назад ушел оттуда и, как передавали друг другу придворные сплетники, отправился на поиски принцессы.

Сердце у Марка сжалось. Получалось, что аристократы в голос обсуждают отношения Элиссив и оруженосца коадьютора. Интересно, до чего они осмелились дойти в своих предположениях... и что из этих выдумок могло быть правдой.

Марк отправился на поиски, пообещав себе, что не уйдет, пока не побеседует с «дан-Энриксом». Правда, в конечном счете получилось так, что он нарушил свое слово и вернулся в Академию, не обменявшись с Криксом ни единым словом. Просто потому, что после сцены, которую он увидел, Марку

не хотелось разговаривать ни с кем, а уж с оруженосцем коадьютора – и подавно.

Он нашел Элиссив и «дан-Энрикса» в Оружейном зале. Сначала Марк услышал доносившуюся из-за двери музыку – невидимый исполнитель играл какую-то быструю и яркую мелодию на гаэтане, – а потом тихонько приоткрыл резную дверь. Музыкантом, которого он услышал, оказался знаменитый менестрель Феррен Малик, изредка приходивший в Академию к своему бывшему ученику, мэтру Этару. Он играл какой-то быстрый танец, а Элиссив с Криксом танцевали. Сердце у Этайна сжалось. Дочь Валларикса что-то сказала Криксу, а южанин вскинул голову и улыбнулся. Сейчас он стоял вполоборота к Марку, но по-прежнему не замечал его. Этайн подозревал, что ни южанин, ни принцесса не заметили бы его появления даже в том случае, если бы он распахнул дверь и вошел в зал. Несколько секунд Марк продолжал смотреть прямо перед собой, но уже ничего толком не видел. «Лучше бы он умер – там, в Каларии», – подумал Марк – и тут же ужаснулся этой мысли. Разве энониец не был его другом?!

Марк до крови прикусил губу. Разумеется, даже Элиссив не решилась бы танцевать с «дан-Энриksom» прилюдно, прямо на пиру. Но то, что она решилась бросить своих дам и остальных гостей, чтобы привести Крикса в Оружейный зал, уже свидетельствовало о том, насколько Лисси потеряла голову. Когда Этайн пытался угадать, действительно ли Лис-

си влюблена в «дан-Энрикса», он думал о каком-то полудетском увлечении. Ему и в голову бы не пришло, что все могло пойти настолько далеко, и что южанин отвечает дочери Валларикса взаимностью.

А этот менестрель, Феррен Малик?! Вот кто действительно хорош! Не только знает о затеях Лисси, но и помогает ей, словно какая-нибудь сводня из Веселого квартала. Впрочем, может быть, что Элиссив тут и ни при чем. Просто старый придворный музыкант всегда симпатизировал «дан-Энриксу». Несколько лет назад он даже обучал его игре на гаэтане.

Все эти мысли уместились в несколько секунд, а потом Маркий отшатнулся от двери и бросился бежать по первому попавшемуся коридору, не задумываясь, куда он ведет. Маркия переполняли самые недобрые чувства. Если бы сейчас он чудом встретился с Валлариксом, то, пожалуй, тут же рассказал бы ему о том, что видел в Оружейном зале.

Впрочем, к тому моменту, когда он вернулся в Академию, настроение у Марка совершенно изменилось, и он ощутил глубокую апатию. Итак, оруженосец коадьютора влюблен в принцессу, и она об этом знает. Теперь каждый раз, когда Марк станет появляться во дворце, ему придется наблюдать счастливое лицо Элиссив и слушать ее бесконечные рассказы о «дан-Энриксе». Жизнь представлялась отвратительно бессмысленной.

В тот день Этайн никак не мог заснуть. Стоило закрыть глаза, как он, будто наяву, видел дочь Валларикса, присев-

шую на край стола или устроившуюся в массивном кресле своего отца. Марк прокручивал в голове какой-нибудь из их недавних разговоров, и ему хотелось выть, поскольку сразу вспоминалось, как Элиссив танцевала с Криксом. Узкий шерстяной тюфяк казался ему раскаленным. После сигнала к тушению огня прошло не больше часа, но Этайну все равно казалось, что он провел в этой темноте и тишине уже целую вечность.

Он окликнул Юлиана, но тот уже спал. Тогда Марк встал и тихо вышел в коридор. «Дан-Энрикс» как-то показал ему, как можно выбраться из башни, миновав дозорного внизу, и сейчас Марк воспользовался этим способом, чтобы выйти в сад. Обувь осталась наверху, и босые ступни скоро заняли от холодной, мокрой от росы травы, но Марк и не подумал возвращаться. Он долго бродил по парку, подобрал несколько яблок, даже пробежал пару кругов вдоль стены, словно на утренней разминке. Метод оказался действенным – усталость во всех мышцах и ноющая боль в босых ступнях немного отвлекли его от мыслей об Элиссив. Запыхавшись, он дошел до Нового колодца, поднял полведра воды и с наслаждением напился. Удовольствие было бы полным, если бы из-за холодной, словно лед, воды у него не заболели зубы.

После этого Этайн почувствовал, что он уже достаточно устал, чтобы вернуться в башню и лечь спать.

Когда лаконский колокол пробил сигнал к подъему, Маркий с трудом смог оторвать голову от подушки. Горло у него

саднило, а в глаза как будто бы насыпали песок. Попробовав высунуться из-под одеяла, Маркий тут же ощутил озноб. С тех пор, как он начал учиться в Академии, Этайн оказывался в госпитале всего пару раз, но в детстве он болел довольно часто и надолго запомнил ощущение противной слабости, из-за которой вынужден был проводить в постели долгие унылые часы.

Обычно мысли о болезнях были крайне неприятны Марку, но сейчас открытие, что он довольно сильно простудился прошлой ночью, привело его в восторг. Это давало ему основание остаться в Академии и не являться во дворец, а значит, не встречаться ни с Элиссив, ни с «дан-Энриksom». Раньше Марк ненавидел лазарет, где он когда-то провел несколько недель со сломанной лодыжкой, но теперь он обнаружил, что судил слишком предвзято. В некотором смысле госпиталь был лучшим местом на земле: в нем совершенно ничего не происходило, и все люди и события за дверью лазарета тоже начинали представляться удивительно далекими, как будто не вполне реальными. Тогда, пять дней назад, Этайна это полностью устраивало. Тем более что жар сопровождался сильной слабостью, и было удивительно приятно лежать на мягкой кровати, ни о чем не думая и наслаждаясь ощущением покоя. Впрочем, поправляясь, Маркий начал понимать, что это ни к чему не приведет. Нужно было мало-помалу возвращаться к настоящей жизни, как бы тяжело и неприятно это ни было.

Для начала Марк решил нарушить свое добровольное затворничество и принять у себя Юлиана, который упрямо продолжал бывать в лаконском госпитале каждый день. Все остальные после нескольких отказов перестали приходить, но Лэр, очевидно, полагал, что капля камень точит, и являлся каждый раз после обеда, когда у лаконцев был свободный час перед вечерними занятиями. На сей раз Марк попросил у лекаря впустить его, и тот исполнил его просьбу с явным удовольствием – наверное, надеялся, что посещение товарища окажет на Этайна благотворное влияние, и он не захочет больше оставаться в лазарете.

– Тебе лучше?... – спросил Юлиан прямо с порога. Марк кивнул.

Проходя мимо кровати новичка, который не успел познакомиться со своими будущими побратимами, и которого из-за этого никто не навещал, Лэр на секунду задержался, вытащил из кармана яблоко, добытое в саду, и положил его на прикроватный столик. А потом бесцеремонно сел на край кровати Марка, прямо поверх одеяла. Марк невольно вспомнил, как они когда-то навещали Крикса – вот уж кто был настоящим мастером влипать во всевозможные истории, после которых энонийца отправляли в лазарет. То драка, то падение на брусьях, то внезапный обморок в саду...

Марк резко встряхнул головой. Думать о Риксе ему совершенно не хотелось.

– Когда думаешь возвращаться? – напрямую спросил

Юлиан.

Маркий слегка пожал плечами.

– Я уже почти здоров, так что, наверное, уже сегодня или завтра... Есть что-нибудь новенькое?

Сердце у Этайна замерло. Ему казалось, Лэр сейчас ответит что-то вроде: «Представляешь, Крикс сбежал с принцессой!». Это было глупо: такое известие Лэр выпалил бы с самого порога, не тратя времени на нудные расспросы о его самочувствии. Но Марку все равно было не по себе.

Маркий ошибся лишь наполовину: Юлиан действительно заговорил о Криксе, хотя дочь Валларикса была тут совершенно ни при чем.

– «Дан-Энрикс» почти целые дни проводит в Академии. Сам он говорит, что Ирем отослал его в Лакон, чтобы не мешался под ногами, но мне кажется, что дело тут не в Иреме.

– А в чем же? – напряженно спросил Маркий.

– Крикс бодается с Нетопырем. Не знаю, зачем ему это надо... Они, разумеется, всегда терпеть друг друга не могли, но то, что он сейчас затеял – это уже слишком. Крикс как будто бы нарочно выжидает, когда можно будет снова надерзить Нетопырю.

– А что Вардос?

– Спрашиваешь! Вардос – то же, что обычно, – Юлиан изобразил высокомерную улыбку Мастера-со-шрамом. – «Пожалуйста, еще четыре круга вдоль ограды, Рикс. Сегодня вечером нальете масло в светильники во всех скрипто-

риях». Или: «Будьте любезны взять утяжеленный меч. А после окончания занятий пойдете со мной. Слуги не успевают вычистить камин в Аркморе, вот вы этим и займетесь». И так далее.

– Но почему так получилось?.. – спросил Марк.

Юлиан вздохнул.

– Ну, если хочешь знать мое мнение, то они оба хороши. А началось это дня три назад, на тренировке. Нетопырь шел мимо, остановился посмотреть и почти сразу стал цепляться к Лен-Деннору. Ну, ты знаешь, Нетопырь иногда начинает обходиться с кем-то из учеников, как с куском грязи. Вардоса послушать, так в Лаконе нужно оставлять только самых способных, а все остальные только мешают другим и понапрасну тратят время мастеров. Ну, может, он в чем-то и прав. Вот, например, Ликар и Фавер никогда не могут справиться с тем же заданием, что остальные, и нам без конца приходится их ждать – кому это надо? Раз они такие слабаки, сидели бы у себя дома и не приезжали в Академию. Ну ладно, Лен-Деннор – он хоть не нытик и не трус, а уж Фессельд – тот просто маменькин сынок.

– Но к Фаверу-то Вардос никогда не придирается, – заметил Марк.

– Ага! Тут ему уже не до принципов – у Фавера отец в Совете лордов. Остается Лен-Деннор. Думаю, он на нем отводит душу сразу за двоих. Ну ладно, фехтовальщик из Ликара в самом деле отвратительный, а в этот раз он дрался

еще хуже, чем обычно... Хотя, может, это потому, что Нетопырь стоял у него над душой и продолжал его отчитывать. Самое мягкое, что тот ему сказал – это что мало кто на пятом году обучения в Лаконе может махать мечом, как баба скалкой, – Юлиан состроил гнусную гримасу и передразнил Нетопыря: – «Даже законченный тупица уже чему-то научился бы за такое время. Вы, Ликар, меня буквально поражаете!» Ну, и так далее, и все тому подобное. Хлорд как раз куда-то отошел, оставил за старшего Рейхана. Тот, понятно, попытался вести тренировку, словно ничего не происходит, но весь остальной отряд не столько занимался, сколько все время косился на Ликара с Вардосом. А Крикс – он в этот раз был со мной в одной паре – взял и бросил заниматься вообще. Стоит с опущенным мечом и смотрит на Нетопыря в упор. Я понял: все, приплыли... Сейчас Нетопырь это заметит, спросит у «дан-Энрикса», в чем дело – а тот ляпнет что-нибудь такое, за что Вардос его вообще убьет. Потом я, правда, слегка успокоился. Увидел, что Хлорд идет, ну и подумал: пронесло. Так нет же. Вардос тут как раз сказал что-то такое... ну, дословно я не помню, но что-то вроде: «Как вы полагаете, Ликар, – может, ваша семья досрочно заберет вас из Лакона? Такой выпускник, как вы – это позор для Академии». И ведь нарочно постарался, чтобы Хлорд это услышал – видимо, хотел ему побольше досадить. И тут «дан-Энрикс» громко говорит: «Сначала на себя посмотрели бы, мастер».

– Как? Нетопырю?!

– Ну да... Тот к нему повернулся и очень спокойно переспрашивает: «Что вы только что сказали, Рикс?..» Я его по лодыжке пнул, чтобы он хоть сейчас заткнулся, но этот придурок даже бровью не повел. Смотрит прямо на Вардоса и говорит, как будто гвозди заколачивает: «Вам нравится высмеивать и унижать учеников, которые не могут вам ответить. Это не Ликар, а вы – позор для Академии. Такие люди не должны быть мастерами». Хлорд даже забыл о том, что злился на Нетопыря – так его рассердил этот поступок. Это, говорит, неслыханно, чтобы какой-то ученик так разговаривал с наставниками. Он хотел устранить Крикса от занятий и отправить его в карцер, но Вардос вмешался. Говорит: «Как можно: Рикс у нас герой и кавалер Стальной звезды. Четыре круга вдоль ограды, Рикс». Я поначалу даже удивился – как, и это все? А потом Крикс начал стаскивать доспех, и Вардос его сразу же остановил. «Зачем же, – говорит, – вы ведь в Каларии не налегке сражались?..»

– Вот урод, – поморщился Этайн.

– Это еще цветочки, – заверил Юлиан. – Крикс решил показать Нетопырю, что ему это нипочем, и пробежал четыре круга почти так же быстро, как и без доспехов. Вернулся весь красный, лицо в пыли и в разводах от пота. Смотрит на Вардоса нагло, как и раньше, и докладывает: «Сделал все, как вы приказывали, мастер». Нетопырь кивает: «Вот и замечательно – надеюсь, вам это пошло на пользу, и вы поняли свою ошибку. Не желаете ли извиниться?..» Ну, ты знаешь, какой

Крикс упрямый, если его зацепить. И потом, на него же все смотрели – ждали, что он теперь скажет. Он ответил: «Я сказал, что думаю, и извиняться за свои слова не собираюсь». Вардос улыбается, как будто меда обожрался: «Как хотите, Рикс. Еще три круга». Ну, эти три круга он бежал в два раза дольше, чем четыре первых. А когда вернулся, Нетопырь затеял отрабатывать с нашим отрядом новую технику на брусках. Наверх загнал «дан-Энрикса», который на ногах едва стоял, а противниками ставил всех подряд, кто посильнее. Хлорд пытался возразить, что Криксу нужен отдых. Тогда Нетопырь уставился на Крикса своими кошачьими глазами и спросил: «Так значит, вы устали, Рикс?». Думаю, Крикс не хуже Хлорда понимал, что Вардос над ним просто издевается, но решил его переупрямить. Отвечает: «Нет!» На брусках он довольно долго продержался – я даже не представлял, что он теперь так хорошо фехтует. Но в конце концов Грейд его сбил на землю. Я боялся, что Вардос опять что-нибудь придумает, но тут как раз прозвонили на обед. Все пошли переодеваться, а Крикса Нетопырь отправил разливать еду по мискам. Может, он успел там что-нибудь перехватить, но мы на всякий случай все равно принесли его порцию в Рейнсторн.

В тот вечер он остался в Академии. Точнее, днем он снова что-то сказал Вардосу, и тот отправил его оттирать столы в скриптории и наливать свежее масло в лампы. Освободился уже около полуночи, вернулся и сразу же рухнул спать. А за

полтора часа до подъема Нетопырь послал за ним дозорного, и Крикс куда-то ушел с ним. Потом сказал, что Вардос снова гонял его вдоль ограды – правда, уже без доспехов. Словом, последние три дня у Крикса выдались очень «веселыми».

Марк недоверчиво смотрел на Юлиана.

– И наставник Хлорд не попытался это прекратить?

– Пытался, разумеется... но Крикс уперся рогом. Его вообще никто не держит в Академии – он ведь служит лорду Ирему и может приходить и уходить в любой момент. Но он нарочно остается тут и ведет себя так, чтобы сильнее досадить Нетопырю.

– Нашла коса на камень, – пробормотал Марк.

– Точно. Вардос не привык, чтобы ему перечили, а Рикс... – Лэр покривился и махнул рукой, не досказав.

– Понятно, – сказал Марк. Он понимал, что должен почувствовать «дан-Энриксу», но вместо этого испытал только радость оттого, что Крикс провел последние три дня в Лако-не и никак не мог навещать Лисси во дворце.

Час, который был у них в распоряжении, уже закончился, и Юлиан поднялся на ноги, пообещав вернуться завтра. В ответ Марк сказал, что попытается покинуть лазарет уже сегодня вечером, так что надеется застать «дан-Энрикса» в Рейн-сторне.

Крикс перестал отскребать застывший жир в большом котле и вытер лоб предплечьем. Все тело у него болело после тренировки во дворе. Сегодня ночью прошел дождь, и всю

тропинку для пробежки развезло, а энониец так устал, что ноги плохо слушались его. В какой-то момент он споткнулся и растянулся в жидкой грязи, не успев даже выставить перед собой руки.

Волосы и всю левую сторону лица после этого злополучного падения коркой стянула высохшая грязь, которую он смог отмыть только много часов спустя. Если бы Ирем мог увидеть своего оруженосца в тот момент, он бы, наверное, приподнял брови и поинтересовался, не затем ли энониец возвращался в Академию, чтобы иметь возможность в свое удовольствие валяться в каждой грязной луже. Рыцарь и без того все время поддевал оруженосца его дружбой с иллирийскими повстанцами и некоторыми привычками, которые тот приобрел за месяцы своих скитаний с мародерами.

Радовало только одно: его противостояние с Вардосом не только приковало к себе внимание всего отряда, но и на время притушило старые противоречия. Многие были не меньше Крикса возмущены тем, как Вардос втаптывает в грязь Ликара Лен-Деннора, и молчаливо одобряли поведение «дан-Энрикса». Даже те, кто в остальное время терпеть не мог энонийца, сейчас видели в нем своего. Сегодня на пробежке, когда он упал, бегущий следом Грейд Декарр остановился и молча помог «дан-Энриксу» подняться. Крикс уже не был так наивен, как в свой первый год в Лаконе, так что эта неожиданная помощь от давнего врага не ввела его в заблуждение. Но, даже не строя никаких иллюзий

относительно того, что они с Грейдом могут стать друзьями, энониец знал, что если мастер Вардос вздумает поставить их с Декарром в одну пару, тот не станет бить в полную силу и будет стараться незаметно помогать противнику. Общая вражда с Нетопырем объединяла лучше, чем любая дружба.

Волосы опять упали юноше на лоб, и энониец резко дернул головой, пытаясь их отбросить. Ничего не получалось – надоедливая прядь упрямо лезла в глаза. В другое время Крикс не придал бы подобной мелочи особого значения, но сейчас энониец чувствовал себя предельно раздраженным. Он не выспался, устал до такой степени, что еле двигался, и в довершение всего был с ног до головы покрыт ушибами и синяками, но Нетопырю этого было мало. Пока остальные отдыхали и обедали, Крикс должен был оттирать эти дурацкие котлы, но он, конечно, не успел и половины, потому что онемевшие после утяжеленного меча руки его не слушались. Еда, которую Мирто с Афейном принесут ему в Рейнсторн, будет давно остывшей, когда он вернется. А если он опоздает на занятия, наставник Хайнрик станет спрашивать его о том, чего он знать не знал.

«Какой же все-таки тупица этот Хайнрик, – зло подумал энониец. – Неужели ему невдомек, что за два последних года я не открывал ни одной книги?! Ни одной! Пока все остальные изучали землеописание, историю и Старый Кодекс, мы сражались с Горностоями, ломали голову, где бы достать жратву и спали на земле. Откуда же мне знать, в ка-

ком году в Бейн-Арилле приняли Статут о Свободных городах или что в Энор Фиреме говорится об убийствах?! Я могу сказать только одно: когда я сам кого-то убивал, я меньше всего думал об Энор Фиреме».

Да что там книги! Пальцы Крикса огрубели так, что он едва узнал свой почерк. А писал он теперь медленнее всех в своем энгильде, причем иногда делал ошибки, которых не совершил бы даже новичок.

Но больше всего его вывели из себя занятия по философии. Сначала, когда он узнал, что их ведет Саккронис, Крикс обрадовался: он очень любил старого архивариуса и был совсем не прочь увидеть его снова. В прошлом Саккронис всегда разрешал ему сколько угодно рыться в свитках и даже надолго забирать их из Книгохранилища и читать в своей каморке в Адельстане. Но радость южанина быстро сошла на нет, когда он оказался на этом занятии. Саккронис прочитал отрывок из известных «Монологов» Эйта из Гоэдды. Эти «Мнологи» делились на главы: «Физика», «Эстетика» и «Этика». К какой из глав относился тот, который им читал Саккронис, Крикс так и не понял, но это было не важно, потому что все три слова представлялись ему чем-то вроде названий на Древнем наречии: они звучали красиво и многозначительно, но их значение упорно ускользало от его понимания. Крикс очень старался вслушиваться в чтение, но после двух-трех непонятных фраз мысли сами собой переключались на что-то другое, и когда Саккронис замолчал, «дан-

Энрикс» ощутил полнейшую растерянность. В эту минуту собственная голова напоминала ему медный котелок, в который долго колотили черпаком, а потом, наконец, оставили его в покое. Пустота и легкий гул в висках – вот и все, что осталось после выслушанного отрывка.

Крикс осмотрелся по сторонам, чтобы понять, что думают об этом его побратимы, но оказалось, что у остальных отрывок не вызвал ни малейших сложностей. Саккронис задал несколько вопросов, и лаконцы, постепенно увлекаясь, устроили в аулариуме настоящий диспут. Часть того, что они говорили, энониец понимал, но ему все равно казалось, что собравшиеся спорят на каком-то незнакомом ему языке. А когда Саккронис обратил внимание, что он молчит, переводя взгляд с одного участника дебатов на другого, и вежливо спросил, не хочет ли он что-нибудь добавить к возражениям Рейхана, Крикс покраснел так, как будто ему в лицо плеснули кипятком. «Спросите у кого-нибудь другого, мэтр», – почти грубо сказал он и, резко поднявшись на ноги, вышел из аулариума. В ту минуту он отдал бы все на свете для того, чтобы вернуться в Адельстан и выкинуть из головы Лакон, занятия по философии и трижды проклятые «Монологи» Эйта из Гоэдды. Почему сэр Ирем вообще решил, что его оруженосцу нужно знать все эти глупости? И почему, если его сеньор действительно считал, что это важно, он не оставил Крикса в Академии, а взял его с собой в Каларию?.. Сейчас «дан-Энрикс» предпочел не вспоминать, что он и сам

рвался на войну и никогда бы не простил мессера Ирема, вздумай тот действительно оставить его в Академии. Он думал исключительно об одном: Ирем отослал его в Лакон, насколько не заботясь, что он ни в жизнь не сумеет наверстать то, что его побратимы изучили за последние два года.

На Севере Крикс привык чувствовать себя ученым человеком. Уже то, что он умел читать карту, вызывало у его соратников почти благоговение. Даже сам Астер полагал, что для мальчишки своих лет южанин знает слишком много. Тем обиднее было почувствовать себя круглым невеждой по сравнению с друзьями из Лакона.

Крикс закончил отчищать котел и посмотрел на следующий. Так ему до ночи не закончить... А занятия уже идут. В скриптории сейчас, должно быть, переводят Старый кодекс с Древнего наречия на аэлинг. Идти туда и получать взыскание за опоздание, как будто мало ему было Вардоса? Только не это.

– С меня хватит, – вслух сказал «дан-Энрикс». Он решительно отставил в сторону лоток с песком, которым полагалось оттирать застывший жир, и, сунув руки в карманы, независимо зашагал прочь от кухни.

Вардос, разумеется, узнает, что его распоряжение осталось невыполненным, и вдобавок энониец прогулял последние занятия, но что он сможет сделать? Загрузить его работой? Снова вытащить из башни до подъема и заставить бегать вдоль стены? Так этих неприятностей южанину и без то-

го хватает, потому терять ему уже нечего.

«Дан-Энрикс» пришел в свою башню, растянулся на кровати и закрыл глаза. Плоский матрас, набитый овечьей шерстью, показался ему мягче пуховой перины. Энониец замычал от удовольствия и закопался головой в подушку. До чего все-таки приятно было наконец-то отдохнуть вместо того, чтобы горбатиться над поручениями Вардоса, размахивать тяжелым тренировочным мечом или выслушивать всякую чушь вроде занудных философских сочинений!..

Правда, толком поспать «дан-Энриксу» так и не удалось. Прошло не больше часа до того, как его разбудил какой-то младший ученик. Пока южанин ошалело протирает глаза, мальчик важно объявил, что лорд Ирем посылал за Риксом где-то с полчаса тому назад, и с этого момента его ищут по всему Лакону. «Передай, что я иду!» – ответил Крикс, быстро вставая. Он не мог поверить собственной удаче. Ирем требует его к себе – значит, Нетопырь должен будет примириться с тем, что он не сможет досаждать «дан-Энриксу», пока тот не вернется. И в то же время он не сможет посчитать, что Крикс сбежал, поскольку тот покинул Академию только после приказа своего сеньора. Все складывалось просто замечательно.

При виде запоздавшего оруженосца коадьютор скорчил недовольную гримасу, но ничего не сказал. После Тронхейма рыцарь вел себя непредсказуемо – порой держался с энонийцем вежливо и отстраненно, а в другое время мог так резко отчитать его из-за какой-то мелочи, как будто Криксу

все еще было двенадцать лет. Иногда юноше казалось, что сэр Ирем просто плохо представляет, как теперь себя вести – уж слишком сложными и противоречивыми успели стать их отношениях за этот год. Но сейчас энониец был так рад снова увидеть коадьютора, что не стал бы обижаться, даже вздумай тот, по своему обыкновению, язвить и насмехаться над оруженосцем.

– Куда мы идем? – осведомился Крикс у рыцаря, когда они пересекали площадь Четырех дворцов.

Лорд покосился на него.

– Не задавай глупых вопросов, – сказал он устало. – Впереди только дворец. Ну и куда мы, по твоему мнению, идем?..

Еще немного помолчав, рыцарь добавил:

– Я должен присутствовать на государственном совете. Ты будешь меня сопровождать.

Когда до Крикса в полной мере дошел смысл сказанного, он остановился.

– Монсеньор, но на Малый совет не допускают посторонних.

– Ты не «посторонний», Рикс. Ты мой оруженосец, – сухо отозвался калариец. – И, пожалуйста, поторопись. Я не хочу, чтобы нас дожидались.

– Что я должен буду делать, мессер Ирем?.. – спросил Крикс, смирившись с неизбежным. Если коадьютор хочет, чтобы он его сопровождал, то выбора у Крикса нет.

Сэр Ирем мрачновато улыбнулся.

– То, что ты обычно делал на службе у лорда Аденора. Смотреть, слушать и запоминать. Ты должен быть готов после совета доложить мне обо всем, что там происходило, и о своих собственных соображениях на этот счет.

Крикс удивленно заморгал.

– Зачем вам это нужно?

Кoadъютор смерил юношу холодным взглядом.

– Не слишком ли много вопросов, Рикс?.. Не понимаю, чем ты недоволен. Во время аудиенции, которую тебе предоставил Валларикс, ты довольно откровенно проявил свой интерес к государственным делам. Теперь тебе предоставляется возможность вникнуть в них получше. Разве ты не этого хотел?

Крикс прикусил язык. Понятно... Император рассказал мессеру Ирему о его просьбе, ну а тот, как и следовало ожидать, остался недоволен. И решил наглядно показать это «дан-Энриксу». Правда, еще через несколько шагов Крикс начал сомневаться в собственной догадке. Ирем не сумел бы привести его на государственный совет в обход Валларикса. Значит, правитель одобрял эту затею. А два взрослых и неглупых человека, занятых серьезными делами, вряд ли могут делать что-нибудь только ради того, чтобы какой-то там оруженосец осознал свою неправоту.

Вдобавок, приглядевшись к рыцарю получше, энониец начал понимать, что его сюзерен сердит отнюдь не на него.

Словом, положение было довольно непонятным.

Лейда поймала себя на том, что каждый день под тем или иным предлогом появляется в приемной императора, надеясь встретить там мессера Ирема. Иногда рыцарь приходил, иногда нет, но с ним никогда не было «дан-Энрикса». Оруженосец коадьютора не появился во дворце ни разу.

Лейда неоднократно видела, что точно так же, как она сейчас, вели себя другие девушки из свиты Лисси, и догадывалась, что все это может означать. Подобное предположение пугало – и даже не потому, что ее волновало мнение отца или угроза ее репутации. Куда сильнее девушку тревожило открытие, что нечто подобное может происходить с ней из-за другого человека – причем совершенно независимо от ее воли.

Когда они снова встретились с мессером Альверином, ее будущий супруг был безупречно вежлив и ни словом не упомянул «Ожерелье королевы». Надо думать, в этот день дворцовых сплетников постигло тяжкое разочарование – ничто не указывало на то, что Альверин считает себя оскорбленным или хочет разорвать помолвку. К сожалению, в отличие от них, Лейда прекрасно понимала, что любезные манеры Альверина – просто маска, а на деле Альверин Финн-Флаэн глубоко задет последними событиями. Вероятно, он рассчитывал, что Лейда сама попытается поговорить с ним без свидетелей и как-то объяснить свой необдуманный поступок на балу. Лейда неоднократно обещала себе объясниться с же-

нихом – но так и не смогла заставить себя начать этот разговор.

Наконец, Альверину надоело ждать, и он нашел возможность побеседовать с ней без свидетелей. Он пришел утром, когда Лейда была в соколятнике и возилась со своим кречетом Бьято. Обернувшись на звук шагов и увидев перед собой жениха, Лейда почувствовала холодок под ложечкой. Бледное утреннее солнце пробивалось сквозь высокое окно и золотило волосы Финн-Флаэна, а лицо у рыцаря было сосредоточенным и строгим – он выглядел серьезнее и старше того человека, который когда-то веселил ее рассказами про Олли Ройвена и нападение «инеистых волков». А Лейда так привыкла к его отстраненной вежливости, что совсем не подготовилась к этому разговору.

– Я прошу вас уделить мне несколько минут, – сказал Финн-Флаэн твердо.

– Ну конечно, мессер Альверин... сколько угодно, – сбивчиво пробормотала девушка. Чувствуя ее волнение, Бьято впился острыми когтями в плотный нарукавник из вареной кожи и наполовину расправил крылья. Но с руки все-таки не взлетел.

Сэр Альверин явно не склонен был тратить время на долгие вступления.

– Мне кажется, нам нужно объясниться, месс Гефэйр. Когда я впервые обсуждал с вашим отцом нашу помолвку, вам было всего тринадцать лет. Раньше я не отдавал себе отчета в

том, что это слишком... юный возраст для подобного решения. Когда вы сказали, что согласны выйти за меня, я опрометчиво решил, что это ваше личное желание, а не обыкновенная готовность согласиться с выбором отца. Наверное, это была моя ошибка. Но поверьте, Лейда – я всегда был далек от мысли к чему-то вас принуждать. Я вел себя довольно легкомысленно... так что ответственность за все последствия тоже ложится только на меня.

– О чем вы, сэр? – в полном смятении спросила Лейда.

Финн-Флаэн грустно улыбнулся.

– О нас с вами, месс Гефэйр. Или правильнее было бы сказать – о вас. Скажите, Лейда – вы хотите выйти за меня?

От такой прямолинейности, отнюдь не свойственной придворным кавалерам, Лейда почти лишилась дара речи. Слышал бы отец, как жених его дочери открыто обсуждает с ней ее желание вступить с ним в брак! Консервативному до кончиков ногтей мессеру Годелвейну эта сцена показалась бы кошмарно неприличной.

А вот Элиссив это, наверняка, понравилось бы.

Лейда прикусила губу. И ее отец, и Лисси всегда отлично знали, что им нужно. Жаль, что она не могла сказать того же про саму себя... Ещё недавно она совсем было свылась с мыслью, что станет женой мессера Альверина. Она думала, что это будет крепкий и счастливый брак. Без всяких глупостей типа бросания цветов с моста и распевания «Люэн Минаров» под окном. Но появился Рикс с его рассказами

о смерти и отчаянии – и все внезапно стало слишком сложным.

Осознав, что она не знает, что же ему ответить, Альверин Финн-Флаэн обхватил себя за локти, будто бы ему внезапно стало холодно.

– При дворе шепчутся, будто вы влюблены в «дан-Энрикса». Кое-кто даже утверждает, что вы были влюблены в него еще до объявления войны...

– Какая чушь! – не выдержала Лейда. – Я ведь рассказывала вам, что Лисси познакомила нас незадолго до кампании. К тому же, Криксу тогда было лет тринадцать! О какой любви тут может идти речь?

– Извините, если я задел вас, повторяя эти слухи. Но сейчас-то Криксу уже не тринадцать, верно? Я видел, как вы танцевали с ним на празднике. А вечером того же дня с полсотни доброхотов в красках расписали мне, как он достал из лужи ваш цветок. Поэтому я хочу знать: вы на самом деле влюблены в «дан-Энрикса»?

Финн-Флаэн говорил спокойно, но глаза у него потемнели и казались темно-серыми, как пасмурное небо.

– Я не знаю! – выкрикнула Лейда чуть ли не с отчаянием.

– Тише!... – сказал рыцарь, сжав ее руку выше локтя. Бьято яростно заклекотал. – Прошу вас, говорите тише, месс Геф-эйр... Если вас случайно кто-нибудь услышит – о нас будут сплетничать до самого Эйслита.

Лейде очень хотелось хоть раз в жизни поступить, как

Лисси или королева Беатрикс – то есть топнуть ногой и сообщить, что ей плевать на всех дворцовых сплетников с Лаконской колокольни.

Но, к сожалению, ей не было плевать. К тому же Лейда быстро поняла, что Альверин Финн-Флаэн думает отнюдь не о себе. Ему-то что? Захочет – и в любой момент уедет из столицы или просто перестанет появляться во дворце. Он беспокоился о ней. Хотя, если учесть все обстоятельства этой истории, она такой заботы совершенно не заслуживала.

– Я вижу, вы действительно запутались, – мягко сказал сэр Альверин, выждав пару секунд и отпустив ее рукав.

Только очень внимательный наблюдатель заметил бы, что Альверин совсем не так спокоен, как стремится показать. К несчастью, Лейда это видела. Теперь, когда она гораздо лучше представляла, что он чувствует, ей сделалось невыносимо стыдно оттого, что она – вольно или нет – поставила его в такое положение.

– Ну что ж... Я хотел предложить вам выход, который – как я надеюсь – вас устроит. Сейчас нам с вами придется временно расстаться – через несколько часов я уезжаю в Мирный с поручением от сэра Ирема.

Несмотря на то, что ее мысли были заняты совсем другим, Лейда все равно удивилась этой новости.

– Почему Ирема?.. Вы же не в Ордене, чтобы он отправлял вас с поручениями.

На сей раз Финн-Флаэн улыбнулся почти весело.

– Примерно то же самое сказал сам Ирем, когда я пришел к нему. Но под конец я его все-таки уговорил.

Лейда встряхнула головой.

– Не понимаю... Вы просили коадьютора послать вас в Мирный?

– Ну, не обязательно именно в Мирный. Я уже несколько дней искал какой-нибудь предлог, чтобы уехать из столицы, и в конце концов отправился к мессеру Ирему. Мы с ним неплохо ладили в Каларии, и я подумал: вдруг он сможет найти для меня какое-нибудь дело? Сперва Ирем не очень понимал, зачем мне это нужно, но потом все же сказал, что ему нужен человек, который съездит в Мирный и доложит Ордену о состоянии столичного гарнизона. А еще он попросил меня отвезти в Мирный его бывшего стюарда, Лара. Кoadьютор выкупил его из рабства и взял с собой в Каларию, но сам мальчишка родом из какого-то прибрежного поселка, и теперь сэр Ирем хочет, чтобы его отвезли назад. Прошу прощения... вам это вряд ли интересно, месс Гефэйр... Я рассказываю о своей поездке только для того, чтобы вы знали: следующую неделю или две меня не будет в городе, так что у вас будет достаточно времени, чтобы все обдумать и принять какое-то решение. Если вы пожелаете расторгнуть нашу помолвку – вам достаточно будет просто сказать об этом. Если же вы все-таки решите, что хотите выйти за меня... – сэр Альверин запнулся. По его лицу Лейда Гефэйр поняла, что Альверин уже сейчас не сомневается в ее ответе. Тем не

менее, Финн-Флаэн вынудил себя улыбнуться и договорил: – Что ж, тогда вы сообщите мне об этом, когда я вернусь.

Лейда кивнула, глядя в пол.

Она всегда пренебрежительно относилась к манере других фрейлин обсуждать любое происшествие друг с другом и часами поворачивать любую ситуацию то так, то эдак. Но после беседы с Альверином она все-таки отправилась к Элисив и пересказала весь разговор, с начала до конца. А после этого, махнув рукой на принципы, пожаловалась на необъяснимое отсутствие «дан-Энрикса».

От тревоги Лей принцесса отмахнулась, как от мухи. «Вот увидишь, он скоро придет», – заявила она с такой уверенностью, словно знала планы Крикса лучше, чем он сам. Лейда не отказалась бы узнать, на чем основана подобная уверенность.

Идя за сэром Иремом через дворцовый холл, «дан-Энрикс» почти не смотрел по сторонам. Сентябрьское солнце било в стрельчатые окна, расцвечивая стены и колонны радужными бликами, и Криксу приходилось щуриться всякий раз, когда он поднимал глаза на цветные витражи. Должно быть, именно поэтому он не заметил, как светловолосая девочка в темно-синем платье, какие носили все служанки во дворце, посторонилась перед ним на лестнице и ловко сунула ему в ладонь клочок бумаги. Это было сделано так быстро, что «дан-Энрикс» даже не успел толком рассмотреть девушку – только увидел, как она, придерживая край широкой

юбки, сбегает вниз по лестнице.

От удивления южанин замер посреди ступеньки, но сэр Ирем недовольно оглянулся, и пришлось поторопиться, спрятав смятую записку в рукав.

Крикс знал, что Малый государственный совет, в отличие от Круга лордов, собирается по требованию правителя и включает в себя только доверенных людей Валларикса и его наследницу. В совет входили старшие рыцари Ордена, несколько лордов из имперской партии, оба дворцовых казначея, архивариус и сcribe. Так что Крикс примерно представлял себе, кого увидит в Гобеленовом зале – и только присутствие мессера Аденора стало для него полнейшей неожиданностью. Аденор приятно улыбался и о чем-то тихо разговаривал с соседом – старым рыцарем Лан-Дареном. При виде Ирема и его спутника во взгляде Аденора загорелось нескрываемое любопытство, но вельможа тут же отвел взгляд и, кажется, даже зевнул, изящно прикрывая рот ладонью. «Паршивый лицемер!» – хмуро подумал Крикс.

В отличие от Аденора, разместившийся на противоположном конце длинного стола Валларикс поздоровался с его сеньором, но не удостоил Крикса даже взглядом. В этом не было ничего странного, но энониец все равно почувствовал себя задетым. Если Валларикс хотел, чтобы он находился здесь, то почему теперь смотрит сквозь него, как будто Крикс – пустое место?

Коадьютор пришел одним из последних, так что совет на-

чался, как только рыцарь занял свое место за столом. Предлагать «дан-Энриксу» отдельный стул никто, естественно, не собирався, так что он – единственный из всех присутствующих – остался на ногах, устроившись за креслом Ирема. В итоге энониец чувствовал себя сучком, торчащим из бревна.

Поначалу Крикс надеялся, что лорды будут разбирать вопрос о Таресе – по крайней мере, это объясняло бы, зачем его позвали на совет. Но вместо этого присутствующие завели невыносимо нудный разговор о пошлинах на ткани и зерно, и энониец быстро заскучал. Он посочувствовал Валлариксу, вынужденному постоянно присутствовать на таких совещаниях. Правда, Саккронис говорил, что Наорикс Воитель за всю свою жизнь не высидел с начала до конца и четырех советов... но Наорикс был, скорее, исключением.

Пользуясь тем, что спинка кресла Ирема частично закрывала его от досужих взглядов, Крикс потихоньку развернул клочок бумаги, который ему передала служанка. Записка состояла всего из одной короткой строчки:

Лейда спрашивает: куда ты пропал?

Подписи не было, но сердце у «дан-Энрикса» забилося вдвое чаще. Стилль записки не позволял усомниться в том, что ее писала Лисси. Крикс попробовал перехватить взгляд наследницы, но та сердито отвернулась от него. По-видимому, она считала Крикса виноватым в том, что он провел последнюю неделю в Академии – как будто бы оруженосец лорда Ирема мог располагать собой по собственному усмот-

рению. В другое время Крикса раздосадовала бы подобная несправедливость, но сейчас все его мысли были заняты другим. И лаконичная записка, и раздражение Элиссив подтверждали то, на что он даже не надеялся – что Лейда думает о нем и хочет увидеть его снова. После этого открытия сосредоточиться на разговоре за столом сделалось невозможным. Смятая записка жгла ему ладонь.

К этому моменту обсуждение Бейн-Арилльских купцов, пытающихся торговать в обход столичных пошлин, окончательно зашло в тупик. И тогда мессер Аденор поднялся и произнес речь, которая показалась Криксу еще большей тарабарщиной, чем давешние «Монологи» Эйта из Гоэдды. Большинства слов он попросту не понял. Реституция, гильдийский ценз, какие-то там протекционистские тарифы... Энониец с удовольствием отметил, что большая часть сидящих за столом морщат лоб в точности так же, как он сам. Оруженосец коадьютора язвительно подумал, что если цель лорда Аденора состояла в том, чтобы погрузить слушателей в полное оцепенение, то он достиг желаемого результата. Но он оказался прав только наполовину. Среди участников Малого совета нашлись и такие, которые прекрасно поняли, куда клонит Аденор – и им его слова понравились. Лица обоих казначеев посветлели уже после первых фраз Ральгерда, император слушал Аденора с одобрительной улыбкой, и даже лорд Ирем посмотрел на Аденора не так неприязненно, как раньше, и признал, что предложение удачное.

Крикс стиснул спинку кресла так, что у него заныли пальцы. Он мало-помалу начал понимать, зачем лорд Ирем снова отослал его в Лакон, но это открытие заставило его почувствовать себя на удивление беспомощным. Количество вещей, которых он не понимал – да что там, о которых не имел даже малейшего понятия – казалось необъятным.

Остальные темы, обсуждаемые лордами в тот день, были ничуть не веселее самой первой: то неурожай в южных провинциях, то невиданный падеж скота в окрестностях столицы... «Дан-Энриксу» казалось, что советники похожи на стаю нахохленных ворон, устроивших соревнование, кто может каркать более зловеще.

Мысль о том, что он мог бы увидеться с Лейдой Геффэйр и провести все это время с ней, а вместо этого торчит в зале совета, словно статуя – причем пользы от него примерно столько же, – в конце концов сделалась нестерпимой. Крикс заметил, что лорд Аденор внимательно следит за ним – точнее, поминутно переводит взгляд с «дан-Энрикса» на что-то за его спиной. Южанин обернулся, но, конечно, ничего не обнаружил – позади была только стена, затянутая гобеленом с вышитым на нем портретом Наина Воителя. Когда-то этот гобелен висел не здесь, а в оружейном зале, и южанин вдоволь насмотрелся на него во время своих тренировок с лордом Иремом. Сейчас он так и не сумел понять, что интересного нашел в старом портрете Аденор, и вскоре выкинул его странное поведение из головы.

Когда совет, в конце концов, завершился, южанин с облегчением вздохнул. Правда, оруженосцу коадьютора делалось не по себе при мысли, что теперь лорд Ирем пожелает выслушать его доклад о совещании, по поводу которого Крикс не мог бы сказать ничего дельного. Но ему повезло: Валларикс задержал его сеньора у себя, так что никто не помешал «дан-Энриксу» покинуть зал совета и отправиться на поиски Лейды Гефэйр.

Судя по положению солнца за окном, совет продлился больше двух часов – сейчас должно было быть около шести. Южанин с ужасом подумал, что он станет делать, если коадьютор будет требовать его присутствия на каждом государственном совете. Будто Криксу мало Вардоса с Саккронисом!

Вместо того чтобы пойти к себе, Элиссив поджидала Крикса в нише одного из окон. Рядом с ней стояла та служанка, которая вручила «дан-Энриксу» записку. Когда энониец поравнялся с ними, Элиссив прыгнула на пол, не удосужившись оправить смявшуюся юбку, и окинула его сердитым взглядом.

– Куда это ты собрался?..

Крикс слегка опешил от подобного напора.

– Я хотел найти Лейду Гефэйр. Ты ведь написала, что...

– Я знаю, что я написала, – перебила Лисси. – Но если ты действительно собираешься показаться Лей в подобном виде, то лучше тебе уйти прямо сейчас.

– В каком таком виде? – спросил энониец, понемногу начиная раздражаться. Однако Элиссив это совершенно не смутило.

– Ты на себя в зеркало смотрел? – осведомилась она колко.

– Нет, – признался Крикс. – А что?

– Так посмотри! У тебя грязь засохла прямо в волосах. И вон, на шее тоже... А еще от тебя пахнет так, как будто ты пришел с конюшни, а не с Малого совета.

Энониец покраснел. Он провел рукой по волосам и убедился, что Элиссив говорила правду: прядь волос над ухом действительно была сухой и жесткой от засохшей грязи. Крикс сообразил, что проходил так целый день, после падения на утренней пробежке. Правда, Ирем не повел бы его во дворец, если бы Крикс выглядел таким пугалом, как утверждала Лисси, но все-таки лорды Малого совета – это одно, а девушка, которой ты надеешься понравиться – совсем другое.

Чувствуя, что победила, Лисси указала на служанку и категорично заявила: «Тилле проследит за тем, чтобы ты привел себя в порядок». Девушка, которую называли Тилле, слегка поклонилась Криксу и сказала: «Следуйте за мной», но впечатление от вежливого тона сильно портила ее лукавая улыбка. Подавив тяжелый вздох, южанин подчинился. Он очень надеялся, что дочь Валларикса знает, что делает.

Попав в ту часть дворца, которая была отведена прин-

цессе, они с Тилле миновали личную библиотеку, аулариум, большую и малую гостиные и под конец прошли мимо закрытой двери, за которой находилась спальня Лисси. Туда энониец никогда не заходил – и уж тем более не представлял, что может находиться дальше. Тилле распахнула перед Криксом еще одну дверь, и энониец оказался в круглом зале, облицованном зеленоватым мрамором. Витражное окно под потолком изображало бледно-голубой цветок, так что вся комната была залита призрачным бирюзовым светом, словно она находилась под водой. А в остальном ее устройство мало отличалось от знакомых Криксу банных помещений в Академии. Такое же углубление в полу, резервуары с горячей и холодной водой и странная гулкость гладких мозаичных стен. Вот только пахло здесь иначе – не мятной эссенцией и хвойным маслом, а чем-то густым и сладким, как пирожное. Оставшийся без обеда Крикс сглотнул слюну.

– Я прослежу, чтобы для вас нашли какую-нибудь чистую одежду, – пообещала Тилле.

Крикс хотел сказать, что он вполне может надеть свою, но девушка уже скрылась за дверью. Энониец ощутил себя в ловушке. Следовало раздеться и забраться в воду, но его смущала мысль, что с Тилле придется послать за одеждой для него какую-нибудь из камеристок Лисси. А служанки из дворца – это не Ласка, которой не было никакого дела до чьей-то там наготы. Увидев его голым, они обязательно начнут краснеть, отводить глаза или даже хихикать – и тогда ему

останется разве что утопиться. С другой стороны, прыгать в бассейн с горячей водой прямо в штанах было еще глупее, так что после некоторых колебаний Энониец все же побросал одежду на скамью и залез в воду.

Впрочем, его опасения были напрасными. Чистую одежду принес паж – мальчишка лет двенадцати, чем-то напоминавший «дан-Энриксу» Линара. Мальчик сложил вещи на скамью и вежливо спросил, нужно ли лорду что-нибудь еще. В ответ на «лорда» Энониец фыркнул так, что мыльная пена попала ему в рот и в нос. Пришлось махнуть рукой, показывая, что мальчишка может быть свободен. Одежда, явно позаимствованная у какого-то оруженосца, пришлась Криксу почти впору, и он предпочел не выяснять, кому она принадлежала раньше. Главное, все эти вещи были чище и удобнее, чем те, в которых он явился во дворец. Крикс торопливо пригладил влажные волосы щеткой и вышел наружу, надеясь, что на этот раз Элиссив одобрит его внешний вид.

Увидев Крикса, ожидавшая его в библиотеке Лисси снисходительно кивнула. Но тут же испортила все впечатление, спросив:

– Надеюсь, ты не собираешься остаться во дворце?.. Если пойдут слухи, что ты ходишь к Лейде, ты ее скомпрометируешь. А про нее и так много болтают после бала.

Крикс удивился, что такая мысль не приходила ему самому. Наверное, лорд Аденор был прав: придворного из него не получится.

– И что мне тогда делать?.. Лейда ни за что не согласится выйти со мной в город.

– Насчет этого можешь не беспокоиться. Я думаю, она не будет против, – возразила Лисси легкомысленно. – Я прикажу какой-нибудь служанке, чтобы она дала Лейде свое платье, и на вас никто не обратит внимания.

Слова о том, что Лейда согласится пойти с ним, отнюдь не убедили Крикса, но, к его большому удивлению, Элиссив не ошиблась. Когда он сказал, что хочет прогуляться с ней по городу, Лейда немедленно ответила согласием. Казалось, что такое предложение ее даже обрадовало. Только выйдя из дворца, Крикс понял, что он не имеет представления о том, куда теперь идти. «Дан-Энриксу» совсем не улыбалось вести Лейду в какой-нибудь трактир, где вокруг них будут сидеть другие посетители. Пойди, поговори о чем-нибудь серьезном, когда в шаге от тебя несколько человек колотят по столешнице пивными кружками, зовут служанку или даже начинают хором петь какую-нибудь песню!.. Для беседы с Лейдой он предпочел бы совсем другую обстановку.

Тут «дан-Энрикс» вспомнил, как когда-то удирал из Адельстана на морское побережье и забирался на скалы, чтобы посмотреть, как солнце садится над Заливом. Скалы назывались Братскими и нависали высоко над морем, образуя узкий грот. Встречать закат на Братских скалах Крикса приохотил Дарл. Когда огромный золотистый шар касался воды, казалось, что она вот-вот начнет шипеть и пениться. Чайки

носились над водой, а небо делалось почти прозрачным, розово-оранжевым – ну, словом, было так красиво, что у сидевшего на скале оруженосца коадьютора захватывало дух. Порой от этого хотелось плакать, а в другое время все внутри, наоборот, сжималось от какой-то буйной радости. От этого Братские скалы представлялись Криксу почти таким же необыкновенным местом, как руины Каменных столбов. Сейчас его внезапно осенила мысль, что можно показать их Лейде. Вчера вечером шел дождь, зато сегодня небо было совершенно чистым – самая подходящая погода для того, чтобы идти на берег.

– Хочешь, покажу тебе кое-что удивительное? – спросил «дан-Энрикс» тоном мага, собирающегося достать живой цветок прямо из воздуха. – Правда, нам придется выйти за ворота. Зато ты увидишь самый потрясающий закат во всем Легелионе.

– Ну, если только самый потрясающий... – сказала Лейда. Она будто бы смеялась над его словами, но при этом энониец чувствовал, что это совершенно не похоже на обычную насмешку. В ее тоне было приглашение – и вызов. Энониец смутно чувствовал, что если он не сможет правильно ответить на него, то навсегда останется в ее глазах мальчишкой, с которым она легкомысленно поцеловалась пару лет назад.

– Пойдем, – решительно сказал «дан-Энрикс», взяв Лейду Гефэйр за руку. – Если не поторопимся, то все пропустим.

Глава XVII

Чтобы не отстать от Крикса, ей пришлось шагать быстрее, чем обычно. Они уже вышли в Нижний город, но, похоже, ее спутник превосходно разбирался в здешних улочках – во всяком случае, они ни разу не остановились, чтобы спросить у кого-нибудь дорогу. Ладонь у южанина оказалась жесткой и мозолистой, и он с редкой целеустремленностью тянул свою спутницу вперед. Они задержались только дважды – сперва для того, чтобы купить у какого-то лоточника корзинку копченых «морских ушек», а затем – чтобы добавить к ним бутылку ежевичного вина. Более чем скромный ужин, но Лейда заметила, что ее спутник отдал лавочникам почти всю мелочь из своего кошелька, и поразилась, как же сильно подскочили цены. Обернув бутылку в полотняную салфетку и сунув ее в корзину, энониец продолжал шагать так же размашисто, как раньше. Разумеется, можно было сказать ему, чтобы он шел помедленнее, но Лейда невольно чувствовала себя заинтригованной.

Когда они вышли на берег, стало ясно, что «дан-Энрикс» собирается вести ее к видневшимся неподалеку Братским скалам. По пути им пришлось перебраться через целое нагромождение камней и разбросанных по песку лохмотьев бурых водорослей. Пару раз Лейда оступалась в своей неудобной обуви, так что в конце концов она разулась и пошла даль-

ше босиком. И не ошиблась, потому что через несколько минут им пришлось карабкаться по скалам, и мягким туфлям обязательно пришел бы конец. Чувствовать под босыми ногами скользкие мокрые камни было непривычно, но на удивление приятно. Лейда вовсе не была уверена, что сумеет добраться до вершины, но не успела оглянуться, как уже стояла наверху, на нависающем прямо над морем плоском валуне, куда обычно поднимались только чайки.

Как будто дождавшись того момента, когда они окажутся наверху, солнце коснулось горизонта. Весь Залив сейчас казался озером расплавленного золота. Оранжевые облака сплелись в ажурные узоры, в которых можно было различить то парус корабля, то шпили башен, то расправленное драконье крыло. Лейда замерла от восхищения. Летевший с моря ветер трепал ее волосы, и ей казалось, что если решиться сделать несколько шагов вперед – она не упадет, а полетит, как чайка. Крикса, похоже, тоже соблазняла эта мысль – он подошел к самому краю валуна – так, что ей даже стало страшно за него, и выпрямился, подставляя лицо ветру.

Юношеский силуэт с контрастной четкостью выделялся на фоне закатного неба. Взгляд Лейды задержался на развернутых плечах и тонкой талии южанина, и на какое-то мгновение ей вдруг подумалось: уж не затем ли он остановился на самом краю скалы в такой картинной позе, чтобы лишний раз покрасоваться перед ней?.. Однако Лейда почти сразу поняла, что сейчас он даже не помнит о ее присутствии.

Ей захотелось подойти к «дан-Энриксу» и положить ему руку на плечо, чтобы заставить его обернуться, но мгновение спустя южанин обернулся сам. И вопросительно взглянул на свою спутницу – как будто бы хотел удостовериться, что она видит то же, что и он. Лейда Гефэйр улыбнулась ему так, как будто это было правдой – хотя именно сейчас ей не было никакого дела ни до чаек, ни до медленно тонувшего в Заливе солнца. Она видела только «дан-Энрикса» и думала о том, что, кажется, нашла ответ на тот вопрос, который задал ей сэр Альверин.

Потом они сидели на краю скалы, опустив ноги вниз – еще недавно у нее закружилась бы голова, если бы она просто представила себе что-нибудь подобное, а сейчас это казалось удивительно естественным, – и ужинали, запивая ушки слабым ягодным вином. «Дан-Энрикс» рассказал ей о сегодняшнем совете у Валларикса и об аудиенции, из-за которой все и началось.

– Значит, король тебе понравился? – спросила Лей.

– Сегодня он смотрел на меня так, как будто я кресло или гобелен, – вздохнул оруженосец коадьютора. – Но в целом... да, он мне понравился. Когда он тебя слушает, то кажется, что ему в самом деле важно, что ты скажешь. А еще его как будто совершенно не волнует, что он император. Никогда не думал, что кто-нибудь может вести себя так, как Валларикс, на восемнадцатом году правления. Должно быть, он очень хороший человек.

– Он очень несчастный человек. Знаешь, когда я впервые оказалась при дворе, Валларикс был совсем другим. Честное слово, я даже была немного влюблена в него.

Зеленоватые глаза «дан-Энрикса» расширились от изумления.

– В Валларикса?..

– Ну да. Но мне тогда было лет шесть, а Лисси – и того меньше. Жаль, она теперь совсем не помнит это время. При дворе тогда было гораздо веселее... А потом король похоронил свою жену. И когда я смотрела на него, то мне казалось, что я вижу мраморную статую.

– Мне кажется, я понимаю, в чем тут дело, – медленно сказал южанин. – Когда загоняешь горе внутрь, оно сидит там, как наконечник от стрелы. Это как с настоящей раной: если делать вид, что ее нет – не перевязывать, не промывать, то она очень скоро загноится. Когда мы хоронили Астера, я понял, что люди оплакивают чью-то смерть не для того, чтобы почтить умершего, а для того, чтобы связать свою порвавшуюся жизнь – и продолжать жить дальше. Но Валларикс... он король. У людей вроде него нет времени на скорбь.

– Наверное, ты прав, – признала Лейда. – Но в детстве я не думала об этом. Мне просто казалось, что Валларикс любил Элику совсем не так, как остальные люди любят своих жен. Что их любовь была совсем особенной. И тогда я решила, что не выйду замуж, пока не смогу любить кого-то так же сильно, как король – свою жену. Сейчас я думаю, что это было

правильно, и по-другому поступать нельзя. Но было время, когда мне стало казаться, что это просто детские фантазии. Вроде того, что по ночам по дворцу ходят Альды.

– Альды?!

Лейда рассмеялась изумлению, написанному на его лице. Она совсем забыла, что «дан-Энрикс» вырос в Чернолесье и не знал вещей, известных каждому столичному мальчишке.

– Это просто сказка, Рик. В детстве мы с Лисси верили, что это правда. Ну, вроде как Альды возвращаются в свою столицу по ночам и смотрят, все ли здесь в порядке.

Крикс смущенно улыбнулся.

– Я не знал.

– Не удивительно. Там, где ты вырос, наверное, рассказывали совсем другие сказки...

Они проболтали так еще примерно с полчаса, а потом энониец спохватился.

– Нам давно пора вернуться! Я только сейчас подумал, что ворота, чего доброго, закроют, пока мы дойдем до города.

Лейда поднялась на ноги и расправила юбку. Ей было немного жаль, что нужно уходить.

Пока они спускались со скалы, последние отблески заката вытеснили дымчатые голубые сумерки. Ноги у Лей по-прежнему скользили на камнях, подол промок, а юбка порвалась на самом видном месте – прямо над коленом. Саму девушку такие мелочи не слишком волновали, а вот Крикс старательно отводил взгляд. Он сам спускался первым и поддерживал

ее, чтобы она не поскользнулась.

Потом они шли обратно к городу, и Лейда думала о том, что безлюдная песчаная коса Залива, вообще-то говоря, не самое лучшее место для ночных прогулок. Тут легко можно было наткнуться на пиратов или обитателей столичной Алой гавани. Но, хотя здравый смысл требовал от Лейды быть настороже, ей было удивительно спокойно – просто потому, что энониец шел с ней рядом, придерживая длинный меч, чтобы тот не мешал владельцу прыгать по скользким камням. Глупо, конечно... но при этом удивительно приятно.

– Не успели, – мрачно сказал Крикс, издали глядя на закрытые ворота.

– Может, попробуем дойти до Западной стены? – предложила Лейда. Крикс вздохнул.

– Даже если ворота еще открыты, их сто раз закроют, пока мы туда дойдем, – возразил он. Южанин опасался лишний раз взглянуть на Лейду. Он не сомневался, что она винит его в случившемся. Но, к его удивлению, девушка отнеслась к его словам вполне спокойно.

– Значит, будем ночевать на берегу, – заметила она, пожав плечами. – Ты ведь сможешь развести костер?

– Смогу, конечно, – подтвердил оруженосец коадьютора. – Но... если во дворце узнают, что ты не вернулась в город до тушения огня...

Девушка покачала головой.

– Ты ничего не понимаешь. С точки зрения столичной

знати, мне не следовало даже просто выходить с тобой на улицу, не говоря уже о том, чтобы идти на побережье! Того, что мы были здесь вдвоем, без провожатых, уже вполне достаточно, чтобы разорвать нашу помолвку с сэром Альверинном. Именно поэтому я и надеюсь, что мы сможем сохранить все втайне. Мне бы не хотелось впутывать Финн-Флаэна в этот скандал.

«Дан-Энрикс» почувствовал тупую боль в груди.

– Ты его любишь, да? – бесстрастно спросил он.

Лейда Гефэйр невесело рассмеялась.

– А вы с ним похожи... хотя сразу и не скажешь. Нет, я его не люблю. Но Альверин всегда вел себя очень благородно. Мне бы не хотелось его огорчать.

– Так что – ты выйдешь за него, чтобы случайно его не расстроить?.. – почти грубо спросил Крикс. Он чувствовал, что переходит все границы, но уже не мог остановиться. На минуту ему стало страшно, что Лейда обидится и скажет – совершенно справедливо, кстати, – что его все это совершенно не касается. Но девушка только удивленно посмотрела на него.

– Конечно, нет! Ты что, еще не понял?.. Я не могу выйти за мессера Альверина, потому что я люблю *тебя*.

Крикс не заметил, когда разжал пальцы – и корзинка с остатками припасов мягко упала на песок. Оруженосец коадьютора порывисто шагнул к стоявшей рядом девушке, прижал ее к себе и закружился на месте, так что подол сине-

го платья Лейды взметнул целую тучу мелкого песка.

Звезды с безумной скоростью вращались у него над головой, и голова у юноши кружилась почти так же сильно, как в тот день, когда он пил с друзьями в Академии. В конце концов южанин испугался, что не сможет удержаться на ногах и упадет – и только тогда замер, прижимая девушку к себе.

Лейда перевела дыхание и рассмеялась.

– И что это было? Ты пытался показать, что тоже меня любишь?..

Энониец зачарованно смотрел на девушку. Выбившиеся из прически волосы падали ей на плечи, а сумрачно-синие глаза казались совершенно черными. Сейчас они были гораздо ближе, чем он мог себе представить.

Лейда выжидающе смотрела на него.

– Какой же ты еще ребенок!.. – вздохнула она пару секунд спустя. И тогда энониец понял, что он не ошибся.

– Не настолько, как ты думаешь, – предупредил он Лейду и поцеловал ее – второй раз за все время их знакомства. Но если в прошлый раз он был слишком ошеломлен происходящим и стоял, как истукан, то в этот раз он не намеревался повторять своей ошибки. Руки Крикса жили своей жизнью, гладя грубый холст «служаночьего» платья и холодную от ветра кожу на ее лице и обнаженной шее. Энониец вспомнил лицо Айи в тот момент, когда сэр Ирем сидел у нее в каюте и расчесывал пышные волосы воительницы, и решил рискнуть. Он вытащил из узла на затылке Лейды костяные

шпильки и бережно пропустил мягкие пряди между пальцами. Как и тогда, два года назад, его вело наитие – но губы Лейды не давали усомниться в том, что получалось хорошо.

Той ночью Крикс катастрофически не выспался. Сначала они долго сидели у костра, болтая обо всем на свете так, как будто были знакомы уже много лет – и только часам к трем после полуночи стали устраиваться на ночлег. Про себя Крикс решил, что из двух шерстяных плащей они уж как-нибудь соорудят для Лейды сносную постель. Сам энониец спать не собирался. Он боялся самого себя. Те чувства, которые пробуждала в нем одна лишь мысль о том, чтобы лечь рядом с Лейдой, однозначно следовало держать в узде. Но Лейду явно не заботили такие мелочи. Уже лежа на плаще и положив локоть под голову, девушка посмотрела на него немного сонными, как будто затуманенными от усталости глазами и спокойно позвала:

– Иди сюда.

«Я не должен», – мысленно напомнил себе Крикс. Но, взглянув на Лейду еще раз, махнул на все рукой и опустился на расстеленный у костра плащ. Лейда стеснялась его так же мало, как когда-то – Ласка. Она придвинулась поближе и немного повозилась, устраивая голову у Крикса на плече. Сердце у энонийца бухало о ребра, как таран. Он начал считать удары, чтобы хоть чуть-чуть унять сердцебиение.

– Спокойной ночи, – донеслось из темноты.

Крикс ответил тем же – и подумал, что более беспокойной

ночи в его жизни никогда уже не будет.

Дождавшись, пока Лейда заснет достаточно крепко, чтобы не проснуться от случайного движения, южанин встал. Зайдя за валуны, он разделся, вошел в море и с полчаса плавал в черной ледяной воде, остро пахнувшей водорослями и йодом, изредка поглядывая на оранжевые отблески костра между камней. Потом он выбрался на берег, чтобы подбросить в огонь плавника и сухих водорослей. Пламя затрещало и взметнулось до небес. «Дан-Энрикс» даже задремал, устроившись между костром и неостывшим боком валуна. Когда он снова разлепил глаза, небо над морем медленно светлело. Крикс прикинул, что через полтора-два часа должны были сменить дозоры и открыть ворота. Он нашел на берегу площадку поровнее, вытащил из ножен меч и сделал пробный взмах. Разминка шла из рук вон плохо – тело одеревенело и сделалось непослушным, затекшие мышцы ощутимо ныли. Крикс попробовал представить, что сказал бы Вардос, если бы мог его видеть. Это помогло, и дело пошло поживее.

За этим занятием «дан-Энрикса» и застала Лейда, когда проснулась и, не обнаружив энонийца рядом, выпуталась из своего шерстяного кокона. Несколько минут девушка молча наблюдала за тем, как он танцует на камнях, парируя и нанося удары, а потом спросила:

– Ты тренируешься так каждый день?... – тон девушки заставил Крикса вспомнить, что когда-то, в прошлой жизни,

он пообещал Лейде Гэфэйр научить ее владеть мечом. Если бы он в то время видел столько раненых и умирающих, сколько потом увидел в Такии, он бы, наверное, не смог ответить «да». Но сказанного не воротишь.

– Считается, что нужно повторять Малый канон каждое утро, – отозвался Крикс, слегка сбавляя темп. – Наставники в Лаконе постоянно повторяют, что тот, кто не берется за меч один день, потом наверстывает это целый месяц. Но я думаю, что они говорят так для того, чтобы ученики не разленились окончательно... Ирем берется за оружие, когда захочет – но при этом он один из лучших фехтовальщиков в столице.

– А ты сам?

– Ну нет, я чересчур ленив, – пожал плечами Крикс. Девушка рассмеялась. Ей, наверное, казалось, что он шутит. Крикс только вздохнул и сунул меч обратно в ножны. Не было никакой причины делать вид, что он не понимает, с какой стати Лейда задает подобные вопросы.

– Ты должна иметь в виду, что начинающим нужно тренироваться больше, – сказал он. Лейда кивнула.

– Когда я начну учиться фехтованию, я буду заниматься каждый день.

Крикс опустил глаза.

– А ты уверена, что тебе и в самом деле это нужно?.. – через силу спросил он.

Даже не глядя на нее, он чувствовал, как она напряглась.

– Теперь ты говоришь, как мои братья в Гверре. Может

быть, ты тоже думаешь, что женщина не в состоянии сражаться?..

Энониец мрачно рассмеялся.

– О, конечно, нет! Дело не в этом, – сказал он. Считать, что женщина не в состоянии сражаться, после Ласки или Айи было абсолютно невозможно. Крикс помедлил, подбирая нужные слова. – Когда какой-то человек впервые берет в руки меч, он делает свой первый шаг к тому, чтобы убить другого человека. Или умереть. Даже если ты совсем не думаешь о том, как будешь пользоваться собственным умением, в конечном счете все ведет именно к этому. Вопрос лишь в том, насколько быстро это произойдет именно с тобой... Ну, правда, еще можно заниматься фехтованием, как занимаются с Элиссив. Что-то вроде танцев, только с тренировочным мечом. Но этого я не умею. Мне... не слишком нравилось все то, что приходилось делать в Такии. Ты и в самом деле думаешь, что тебе это нужно?

– Да, – кивнула Лейда, чуть помедлив. Слово упало между ними, словно камень.

– Хорошо, – сдался «дан-Энрикс». Он вовсе не был уверен, что Лейда Гефэйр поняла, что он имел в виду. Но он пообещал ей научить ее владеть мечом, и он не мог нарушить свое слово.

– Подбери удобную одежду, – посоветовал он ей. – Холщовые штаны, рубашку... лучше всего уже разношенные, чтобы не мешали двигаться. Мечи я принесу с собой.

– А ты не мог бы показать мне что-нибудь прямо сейчас?
Крикс качнул головой.

– Не стоит. Этот меч слишком тяжелый. Если будешь разминаться с ним, потом несколько дней не сможешь поднимать ничего тяжелее ложки. Я наступал на эти грабли столько раз, что самому не верится... Хуже всего вышло с мечом мессера Ирема, примерно года три назад. Он чуть не оторвал мне голову, когда узнал. А руки у меня тогда оторвались без его помощи.

Лейда фыркнула – совсем как Лисси.

– Представляю. Значит, сразу пойдем в город?..

Крикс оценивающе взглянул на посветлевший горизонт.

– Да, я думаю, уже пора. Ворота, того и гляди, откроют.

* * *

Бывают дни, которые не задаются с самого утра. По-видимому, этот был одним из них. Начался он с того, что Крикс проспал сигнал к подъему, и при этом все равно не выспался. Что и не мудрено, поскольку накануне ему снова пришлось засидеться над тарнийским переводом до глубокой ночи. Не то чтобы «дан-Энрикс» так уж рвался изучить тарнийский, но достаточно было представить, как наставник Вардос снова найдет способ выставить его болваном перед всеми остальными, как сон пропал помимо воли.

Во-вторых, когда оруженосец коадьютора спустился в

кухню, оказалось, что завтрак для коадьютора давно готов. Слуга, вручивший юноше поднос, хмуро сказал:

– Если сэр Ирем будет недоволен тем, что все остыло – не забудь сказать ему, что мы тут ни при чем. Мы ждали тебя еще полчаса назад.

– Я так и передам, – пообещал «дан-Энрикс» и, забрав поднос, пошел наверх. И без того не радужное настроение южанина испортилось еще сильнее. Не то чтобы Крикса так уж волновал остывший завтрак сэра Ирема, но все-таки следовало признать, что с обязанностями стюарда он справляется из рук вон плохо. Пока лорд не отослал Линара, дела шли гораздо лучше.

Но все эти мысли вылетели у него из головы, когда «дан-Энрикс» вошел к сэру Ирему. Его сюзерен был в своей спальне не один. Правда, сам Ирем уже встал и даже успел полностью одеться. Зато на сидевшей в соседнем кресле Айе не было ничего, кроме поношенной рубашки коадьютора, которая на ней казалась чем-то средним между очень длинной сорочкой и очень коротким платьем. Ноги девушки лежали на коленях рыцаря. При виде этой сцены энониец чуть не выронил поднос, а рыцарь убрал руку с бедра Королевы и поприветствовал оруженосца так, как будто ничего особенного не произошло. Это подчеркнутое хладнокровие взбесило Крикса даже больше, чем все остальное.

«Он, по-моему, совсем рехнулся, – с раздражением подумал Крикс. – Ладно еще, “Морской Петух”, но Адельстан?!

Жаль, сюда не вошел кто-то из кандидатов. Пусть бы посмотрели на нашего коадьютора, перед которым они будут приносить обет безбрачия и воздержания».

Айя смотрела на него, слегка прищурившись, как будто возмущение «дан-Энрикса» казалось Королеве чем-то исключительно забавным.

– Я принес ваш завтрак, мессер Ирем, – сухо сказал Крикс.

Он почти не удивился, когда Айя придвинула себе второй прибор, предназначавшийся для самого «дан-Энрикса». «Позавтракаю в городе», – мысленно успокоил себя Крикс, жалея, что не может надавать наглой островитянке оплеух. Хотя, по справедливости, начинать в данном случае следовало отнюдь не с Королевы.

К счастью, коадьютор не подозревал, о чем в эту минуту думает его оруженосец.

– Мы устраиваем рейд против контрабандистов Алой гавани, – сказал сэр Ирем таким тоном, что не оставалось никаких сомнений: к Риксу это «мы» отнюдь не относилось. – А тебя я попрошу отправиться в Книгохранилище. Мне нужны сведения о всех таможенных сборах, установленных при Наине Воителе. Найди нужные документы, сделай выписки и предоставь их мне.

Крикс готов был подумать, что коадьютор шутит, но увы – судя по выражению лица мессера Ирема, тот был вполне серьезен. Можно было только гадать, почему именно Крик-

су предлагалось рыться в пыльных свитках, пока остальные будут очищать столицу от пиратов и контрабандистов, но факт оставался фактом: Ирем выбрал для этой малоприятной роли именно его. Крикс постарался сохранить невозмутимость, но, если судить по сочувственно-насмешливой улыбке Айи, получилось не вполне. В то утро энониец затруднился бы ответить, кто из этой пары раздражает его больше – Королева Алой гавани или его, так называемый, сеньор.

В Книгохранилище «дан-Энрикс» шел мрачнее тучи, и весь город словно бы подстраивался под его настроение. Облака то и дело закрывали бледное ноябрьское солнце, и, хотя завтрашний день был годовщиной коронации Валларикса, вид у столицы был отнюдь не праздничным. Никто не украшал дома и не вывешивал штандартов, словно этот день ничем не отличался от всех остальных. Когда пару недель назад дворцовый казначей осведомился у правителя, какую сумму выделить на проведение торжеств, Валларикс заявил, что он не видит никакой возможности тратить не фейерверки и вино для горожан, когда казне вот-вот придется начинать раздачу хлеба голодающим. Лан-Дарен попытался возразить, что отмена всеми ожидаемых торжеств вызовет в городе уныние и плохо скажется на репутации дан-Энриксов, но Валларикс только устало отмахнулся, и вопрос о годовщине коронации был снят.

Входя в столичную библиотеку, Крикс подумал, что в

последние недели император почти не вступал в какие-либо споры со своим советом. Теперь он гораздо чаще сообщал свое решение и сразу предлагал собравшимся перейти к следующей проблеме. Иногда оруженосец коадьютора не мог отделаться от ощущения, что Валларикс нечеловечески устал. И то, с какой тревогой смотрел на правителя сэр Ирем, косвенно подтверждало правоту «дан-Энрикса».

Крикс был бы рад чем-то помочь Валлариксу, будь у него подобная возможность. Но, очевидно, пока что оруженосец коадьютора годился только для того, чтобы отправить его делать выписки из никому не интересных старых книг.

Пока вошедший в главный зал Книгохранилища южанин искал взглядом архивариуса, чтобы попросить у него нужные бумаги, взгляд «дан-Энрикса» невольно задержался на высоком юноше, сидевшем у окна.

Брови у Крикса поползли на лоб. Он решил бы, что обознался, если бы десятки раз не наблюдал, как этот человек в точности так же наклонялся над пергаментом в Лаконе, и свет из окон так же падал на его кудрявые светлые волосы.

– Кэлрин!... – произнес южанин вслух. А потом крикнул в голос. – Кэлрин Отт!!

Сидевшие за другими столами люди удивленно оборачивались в его сторону, но Криксу было не до них. Лаконский бард тоже узнал «дан-Энрикса» и встал из-за стола ему навстречу. Он обнял «дан-Энрикса» одной рукой, так как второй у него не было – только рукав, зашитый возле самого

плеча. Южанин с опозданием заметил, что Отт сильно исхудал, и волосы, которые когда-то были золотистыми, сейчас приобрели тускло-соломенный оттенок.

– Твоя рука... – пробормотал «дан-Энрикс». Он не знал, куда девать глаза. В Лаконе Кэлрин часто говорил, что он хочет стать рыцарем и трубадуром, как его великий прадед, Алэйн Отт. А теперь он никогда не сможет ни сражаться, ни играть на лютне.

– Каждый раз одно и то же! – принужденно рассмеялся Кэлринн. – Ни один из тех, кого я встретил за последние два месяца, не сказал мне, что я стал шире в плечах и выше ростом, хотя это истинная правда. На бороду, которую я отращивал на Островах, тоже никто не обращал внимания, так что в конце концов я сбрил ее ко всем чертям... Но зато каждый почему-то считает своим долгом обратить внимание на то, что я остался без одной руки.

– Как это получилось? – спросил Крикс, который слишком хорошо помнил про Сайрема и «Черный полдень», чтобы принять браваду Кэлринна всерьез.

– Да так же, как у всех... Тебе, наверное, известно, что мы с Рэнси и Димаром бросили Лакон в одно и то же время и отправились сражаться за Акулий мыс под предводительством Аттала Аггертейла. Там я и остался без руки. Аварцы смазывают свои стрелы такой дрянью, что обычно раненых не успевают доносить до лазарета. То, что от меня просто отрезали кусок, еще можно считать удачей. Но, естественно,

тогда я так не думал, – с усмешкой признался Кэлрин. – Когда они отказались взять меня обратно на корабль, я пошел к Атталу и сказал ему, что если наш «Бурерожденный» уйдет в море без меня, я прыгну в море со скалы Рассвета. Такая глупость – сейчас даже стыдно вспомнить. Аггертейл спросил: «Зачем тебе теперь место на корабле?» Я сказал: «Чтобы закончить начатое». Тогда он посмотрел на меня, как на какую-то мокрицу, и сказал: «Если это самое лучшее, до чего ты сумел додуматься, то я тебе мешать не буду». Как я его тогда на месте не убил – не знаю... Я ведь думал, что терять мне уже нечего. Зато все слышали наш разговор, и капитан больше не запрещал мне присоединиться к экипажу.

Отт стоял в проходе и говорил, не особо понижая голос, но никто из посетителей Книгохранилища не пытался призвать его к порядку. Воспоминание о схватке за Акулий мыс было еще слишком свежо, а пустой рукав Кэлринна подействовал бы отвращающе даже на самых раздражительных людей. Некоторые из посетителей библиотеки уткнулись в свои книги, а другие, как заметил Крикс, забросили свои занятия и украдкой слушали их разговор.

– Ты ведь, конечно, слышал о сражении у Чаячьего острова? – осведомился Отт.

– Кто же о нем не слышал! Менестрели называют его новой Битвой у Ревущего.

– Это они хватили через край... Готов поспорить, Битва у Ревущего стоила трех таких, как эта. Но у Чаячьего тоже

было на что посмотреть. Это был мой первый выход в море после лазарета, а высланный нам наперерез аварский флот был почти вдвое больше нашего. Мои товарищи, по-моему, уже чувствовали себя покойниками, и мне захотелось как-нибудь их подбодрить... До сих пор толку от меня было не много, так как ни грести, ни драться я не мог, поэтому теперь я решил сделать то, на что я был еще способен – спеть.

– Значит, это был ты?! – воскликнул Крикс. – Все мене-стре-ли в один голос говорят о заколдованном певце, который стоял на носу и распевал «Холмы Равейна», пока его крогг не протаранил «Луноликого».

– Сказать по правде, я не сомневался, что меня подстре-лят еще до начала общей схватки. Но вышло наоборот.

Южанин рассмеялся.

– В песнях трубадуров утверждается, что вражеские стре-лы отлетали от тебя...

– Скорее, в меня было трудно целиться. Я ведь держался прямо за фигуру на носу, так что попасть в меня было не так уж просто.

– Только не пытайся повторить это в каком-нибудь трак-тире, а то тебя поколотят. Ирем говорит, что людям нужно верить в чудеса. Кстати сказать, все пленники, которых при-везли в Адель, тоже уверены, что это было магией. Они кля-лись, что твою песню было слышно на всех кораблях.

– Да, помнится, я пел довольно громко... В любом случае, после того сражения мне как-то расхотелось умирать.

– И чем ты теперь думаешь заняться? – спросил Крикс. Он с некоторым удивлением отметил, что лаконский бард, и правда, не особенно нуждается в его сочувствии.

Вместо ответа Кэлринн указал на лежащий на его столе кусок пергамента. Крикс взял его и обнаружил на листе какие-то каракули, больше всего напоминающие первые попытки новичка из Академии овладеть грамотой.

– Я пробую писать левой рукой, – пояснил Отт. – Пока что получается не очень, но со временем, я думаю, дело пойдет на лад. Теперь я уже не так жалею, что остался без руки. Если бы я стал менестрелем, как когда-то собирался, я бы навсегда остался только бледной копией своего прадеда, – произнося последние слова, Кэлринн понизил голос. Ему явно не хотелось, чтобы эту часть беседы слышал кто-нибудь из посторонних. Энониец с удивлением смотрел на собеседника.

– Но почему?! Ты ведь всегда писал хорошие стихи.

– Вот именно, «хорошие». Этого было бы вполне достаточно, если бы я хотел всего лишь стать приличным трубадуром, но я-то всю жизнь мечтал, что превзойду Алэйна Отта! А на это у меня никогда не хватило бы таланта. Теперь у меня появился шанс пойти своим путем.

– И что это за путь?

На сей раз голос Кэлринна упал до заговорщицкого шепота.

– Я понял, что хочу написать книгу. Что-то вроде «Повести о Бальдриане», но совсем не так, как эти сочинения пи-

сались раньше. В старых книгах всегда говорится: «Он пошел туда-то, сделал то-то, а потом сказал такие-то слова». Немного смахивает на судебный протокол, не правда ли?.. А я хотел бы, чтобы все герои говорили сами за себя. Как мы с тобой, когда беседуем друг с другом.

Крикс попробовал представить, что могло бы измениться от такого стиля изложения, и подумал, что Кэлринна Отта посетила удивительно удачная идея.

– Я бы с удовольствием прочел нечто подобное, – признался Крикс. – А про кого ты собираешься писать?

– Сказать по правде, я еще не знаю, – беззаботно отозвался Отт. – Пока что я просто хожу по городу и слушаю, как говорят другие люди, а потом стараюсь вспомнить их слова и записать их так, как если бы они были героями моей будущей книги. Когда я опять смогу писать настолько бегло, чтобы записать любой понравившийся диалог прямо на месте, заниматься этим делом станет проще, так что я теперь часто бываю у Саккрониса и набиваю руку. Думаю, теперь мы будем видеться гораздо чаще – ты же ведь всегда любил бывать в Книгохранилище.

– Любил, пока меня не стали пичкать всякой ерундой. Таможенные пошлины, тарнийские спряжения, эдикты императора Гвидарикса... но хуже всего бредни Эйта из Гоздды, чтобы он в гробу перевернулся, – сумрачно заметил Крикс.

Он уже с полминуты слышал за своей спиной негромкое покашливание, но до сих пор не придавал ему особого значе-

ния, решив, что кто-то из гостей библиотеки был простужен. Но сейчас это начало его раздражать, и энониец резко обернулся, чтобы посмотреть, кто именно ему мешает. Он увидел позади себя Саккрониса, державшего на вытянутых руках стопку книг. Должно быть, старый архивариус хотел расставить их по полкам, а стоявшие в проходе Кэлринн с Криком загоразивали ему путь. Зная Саккрониса, было легко предположить, что он стоит здесь уже очень долго – пожилой библиотекарь был из тех людей, которым гораздо проще потерпеть какое-нибудь неудобство, чем кому-то помешать.

Южанину сделалось дурно. Если архивариус слышал его последние слова, то нетрудно представить, что он теперь думает о Криксе.

– Простите, мэтр, – выдавил оруженосец коадьютора, сам до конца не понимая, за что именно он извиняется – за то, что помешал библиотекарю работать, или же за то, как он только что отозвался о работах Эйта из Гоэдды, которого так любил Саккронис.

– Ничего, – вежливо сказал тот. – Может быть, ты поможешь мне расставить книги?..

– С удовольствием, – пробормотал «дан-Энрикс», хотя именно сейчас он предпочел бы оказаться как можно дальше от Книгохранилища и его архивариуса. Кэлринн Отт вздохнул и нехотя вернулся к своему столу – было понятно, что от его помощи в подобном деле толку будет мало.

«Дан-Энрикс» быстро рассовал по стеллажам те книги,

которые архивариус держал в руках, и вместе с ним вернулся в Белый зал за новой партией. Вид этой круглой комнаты напомнил юноше о том, как он однажды повздорил с коадьютором из-за того, что тот велел ему больше не трогать сочинения о магии или Галарре. Само по себе это воспоминание было не слишком-то приятным, но сейчас оно немного подбодрило Крикса. Его сюзерен, скорее всего, напрочь позабыл про тот давний случай, а значит, и Саккронис тоже рано или поздно перестанет вспоминать о том, как энониец отозвался о его уроках.

Пока Крикс, взобравшись на довольно шаткую стремянку, снимал с полки перечисленные архивариусом сочинения, Саккронис показал на стену между стеллажами.

– Можешь предположить, что означает этот символ? – спросил он.

Криксу все еще было неловко смотреть старику в глаза, поэтому он обрадовался возможности перенести свое внимание на высеченный на камнях узор.

– Ну, солнце – это, вероятно, герб дан-Энриков, а меч... даже не знаю. Это ведь Книгохранилище. Логичнее было бы вырезать здесь свиток и перо.

Саккронис поднял сухой палец, словно они были на уроке, и «дан-Энрикс» дал удачный, но неправильный ответ.

– Мне кажется, ты путаешь причину с ее следствием. Ведь это здание было построено задолго до того, как люди Энрикса из Леда пришли в этот город. Правильнее было бы пред-

положить, что первый император сделал солнце своим гербом потому, что этот знак часто использовали Альды.

– Верно. Я об этом не подумал, – признал Крикс. Он посмотрел на стену более внимательно.

– Этот символ называют «Сталь и Золото», – сказал библиотекарь. – Сталь символизирует лучшие качества бойца: бесстрашие, решительность и стойкость. А золото – символ ученого, поэта, врачевателя... короче, человека, которому присущи мудрость, доброта и сострадание. Я бы сказал, что Золото обозначает все то лучшее в мире и в человеке, ради чего существует мир, тогда как Сталь – того, кто защищает это лучшее. В древности так и говорили: «люди Стали», «люди Золота»... И всем было понятно, что имеется в виду. Но этот символ означает нечто большее. Альды вложили в него свою вечную мечту о человеке, в котором хладнокровие бойца не перерастало бы в безжалостность, а сострадание и доброта – в беспомощность. В действительности Сталь и Золото не могут слиться воедино, потому что это изначально – сочетание несочетаемого. Но Альды вырезали этот знак на стенах Четырех дворцов, чтобы он напоминал о том, что всякий человек должен стремиться сочетать в себе оба начала.

Стремянка, на которой стоял Крикс, опасно пошатнулась, но он почти не заметил этого, задумавшись над тем, что говорил Саккронис. Уже после первых слов библиотекаря стало понятно, что он поднял эту тему неспроста, но Криксу почему-то не казалось, что ему читают нудную нотацию. Воз-

можно, потому, что старик явно верил в то, что говорил.

В тот день «дан-Энрикс» задержался в городской библиотеке дольше, чем планировал. Сперва он просто помогал Саккронису, а под конец, махнув рукой на гордость, рассказал ему о своих затруднениях в Лаконе. Архивариус не выказал ни тени изумления и тут же завалил южанина советами о том, какие книги ему следует немедленно прочесть, чтобы быстрее наверстать упущенное. Он даже разрешил «дан-Энриксу» забирать в Адельстан любые сочинения, кроме разве что самых дорогих и редких. Крикс почувствовал себя несколько лучше.

Уже собравшись уходить, он вспомнил, что пришел сюда по поручению мессера Ирема. Память об утренней сцене в Адельстане была еще так свежа, что энониец с трудом отогнал соблазн послать порученное ему дело ко всем фэйрам. Но подводить коадьютора из-за пустой обиды было бы не слишком хорошо, так что «дан-Энрикс» скрепя сердце взялся за работу.

В Адельстан он уже не вернулся, а отправился в «Морского петуха», который размещался всего за две улицы от Алой гавани. Айя выказывала непонятную любовь к этой обшарпанной харчевне, а лорд Ирем с некоторых пор питал странную слабость ко всему, что нравилось островитянке. Крикс практически не сомневался, что после сегодняшнего рейда коадьютор и его товарищи решат отужинать в этом трактире. «А возможно, кое-кто из них останется там даже на ночь», —

мысленно добавил Крикс.

Раньше он полагал, что Королева сразу же после прибытия в Адель получит свои корабли и в тот же день отправится в Серую крепость, но при этом как-то упустил из виду, что обещанные Айе корабли еще должны были построить, и что это дело вполне могло затянуться до весны, а Айя и весь ее сброд будут тем временем торчать в столице. Кoadьютора такое положение вещей явно устраивало, Айю, как ни странно, тоже... а мнение Крикса никого из них не волновало.

Нижний зал «Морского Петуха» был почти пуст – только в углу сидели несколько островитян, которых Крикс помнил еще по «Зимородку», а у стойки клевал носом худенький темноволосый мальчик лет двенадцати. Оруженосец коадьютора скользнул по нему равнодушным взглядом, но потом, почувствовав неладное, взгляделся в парня повнимательнее.

– Лар?! – не веря собственным глазам, окликнул он.

Мальчишка обернулся – и уставился на энонийца с таким выражением, с каким попавший в силлок кролик мог бы смотреть на змею. Именно этот взгляд заставил Крикса окончательно поверить, что он не ошибся. Это в самом деле был Линар.

Приблизившийся к стойке Нойе Альбатрос насмешливо осклабился и отсалютовал «дан-Энриксу» пузатой пивной кружкой.

– Пока этот парень наберется духу тебе что-нибудь ответить, ты уже успеешь поседеть. Лучше спроси кого-нибудь

другого... Если тебе интересно, этот мелкий трус приехал вчера вечером. Поскольку он вроде твой друг, я разрешил ему остаться на ночь в нашей с Тиром комнате. Сначала этот недомерок говорил, что утром пойдет в Верхний город, но к утру совсем раскис и предпочел остаться здесь. Не обижайся, дайни, но ты испоганил нам все удовольствие. Мы уже собирались делать ставки, через сколько дней он наберется храбрости, чтобы высунуть нос на улицу.

Шутки Нойе едва доходили до сознания «дан-Энрикса».

– Что случилось? – глупо спросил он у Лара. – Разве ты не должен сейчас быть у себя дома?..

– Дома я сказал, что мессер Ирем отпустил меня только на время. И что мне уже пора вернуться.

– Как это «вернуться»? – повторил южанин, понемногу начиная закипать. Он уже видел, что его надеждам отдохнуть не суждено осуществиться. – Что на тебя вдруг нашло?.. Ты должен был остаться дома, со своей семьей.

На лице Линара появилось не свойственное ему раньше выражение упрямства.

– Звучит на редкость убедительно. В особенности от тебя.

Южанин прикусил язык. Тут ему было трудно что-то возразить – он ведь и сам когда-то убежал из дома.

– Мессер Ирем дал мне кошелек с двадцатью ассами, – сказал Линар после короткой паузы. – А потом сказал: иди, собери вещи, Альверин Финн-Флаэн отвезет тебя домой. И все. Как будто старые перчатки выкинул!..

Не то чтобы «дан-Энрикс» не способен был понять, что подразумевал Линар, но справедливость требовала заступиться за мессера Ирема.

– А почему он должен был считать, что ты предпочел бы остаться? – спросил энониец, скрестив руки на груди. – Ты же с первого дня на корабле только и говорил о том, как тебе хочется попасть домой.

На лицо Лара набежала тень.

– Наверное, ты прав... Только теперь все это выглядит немного по-другому. Знаешь, когда Альверин Финн-Флаэн вез меня домой, я еле вспомнил, где мы жили. А когда мы все-таки доехали, то... я их не узнал, «дан-Энрикс»! Мать с отцом. Я думал, я их помню – а на самом деле давно выдумал какие-то другие лица. Пока меня не было, у них родился еще один сын. И имена сестер я тоже перепутал, пока жил на Филисе. Когда я это понял, я подумал: а действительно ли я хотел вернуться?..

Крикс почувствовал, что у него внезапно разболелась голова. Он помассировал виски – точь-в-точь как мастер Хлорд, когда ему докладывали о каких-то новых неприятностях.

– И что потом?..

– А что «потом»? – бесцветным голосом переспросил Линар. – Они, конечно, ахали и удивлялись: надо же, они давным-давно решили, что я умер, а я все-таки вернулся. Почти восемь лет спустя! Но у меня было такое ощущение, что ко-

шельку от лорда Ирема они обрадовались больше, чем моему возвращению. Но я их не виню, ты не подумай... Мы почти чужие друг для друга, а живут они ужасно бедно. Я как-то забыл об этом. В доме господина Нарста даже слуги всегда ели досыта. А на побережье сейчас почти нет еды. Им эти деньги пришлись очень кстати. Я прожил там месяц с лишним. А потом представил, что придется провести так весь остаток жизни. Чинить снасти, собирать моллюсков, каждый год с апреля по октябрь опасаться нападения пиратов... Я почувствовал, что не смогу так жить. Когда я думал, что хочу попасть домой – я представлял себе что-то совсем другое.

– Ну и что теперь? Чего ты от меня-то хочешь?.. – спросил Крикс, уже предчувствуя, что расхлебывать заваренную Линаром кашу все равно придется именно ему.

– Я хочу остаться здесь. Может быть, ты уговоришь мессера Ирема...

Севший рядом с Ларом Нойе громко фыркнул, сдув со своей кружки ключья белой пены.

– Уговорит?.. Да коадьютор спустит с тебя шкуру, когда выяснится, что ты снова здесь.

Линар поежился и умоляюще взглянул на энонийца.

– Крикс, ну придумай что-нибудь! Пожалуйста...

Не в силах вынести этот умоляющий взгляд, Крикс отвернулся от своего собеседника.

«Накаркал», – сумрачно подумал он. Не далее как этим утром Крикс мечтал о том, чтобы Линар остался слугой Ире-

ма, и вот – пожалуйста. Кто же мог знать, что его пожелание исполнится подобным образом?!

– А если Ирем не возьмет тебя назад? – спросил южанин обреченно.

Лар потупился.

– Я бы мог остаться при тебе...

Услышав это, Нойе засмеялся так, что пиво потекло у него из носа.

– Видишь, Рикс, у тебя уже появляется свой хирд!

– Заткнись, – прошипел энониец. Ему все это совершенно не казалось смешным. – Не нужен мне никакой хирд... а уж из вас двоих – тем более. Чем гоготать, как гусь, лучше придумал бы, что теперь делать с Ларом.

– А в чем проблема? – спросил рыжий легкомысленно. – Если твой Ирем его сразу не убьет, то мелкий может жить со мной. От меня не убудет.

Крикс прикинул – это, в самом деле, было выходом. И лучше всего было бы оставить Лара с Альбатросом, пока не удастся выяснить, как коадьютор отнесется к самой мысли о возможности принять его назад.

Пока Крикс прикидывал, как лучше будет поднять в разговоре с Иремом вопрос о возвращении его стюарда, в зал ввалилась пара новых посетителей.

Первым – как с секундным опозданием сообразил «дан-Энрикс» – был сам коадьютор. Злой, веселый, и, похоже, раненый во время рейда – рукав рыцаря набух и потемнел, а по

полу за рыцарем тянулась бисерная россыпь красных капель. Второй человек, которого сэр Ирем втолкнул в комнату впереди себя, жестоко выкрутив ему правую руку, тоже казался энонийцу смутно знакомым. Несколько секунд спустя «дан-Энрикс» вспомнил, что он видел этого юношу на «Бурой чайке», когда Айю ранили стрелой. Кажется, его звали Энно. Странно, люди Айи теперь их союзники... так с чего Ирему вздумалось обращаться с этим парнем так, как будто он изловил на улице карманника?

Крикс еще не успел задать какой-нибудь вопрос, когда сэр Ирем швырнул на пол какой-то предмет, и тот со звоном отлетел за стойку. А потом выпустил руку парня и бесцеремонно пнул его под зад, отчего тот, шатаясь, пробежал пару шагов вперед и налетел на стол. Снова обретя равновесие, островитянин резко развернулся к своему противнику. Сэр Ирем продолжал стоять в проходе, улыбаясь мрачной приглашающей улыбкой. С пальцев правой руки на пол падали тяжелые алые капли.

– Что за?.. – начал было Нойе, поднимаясь на ноги, но закончить фразу не успел. Бросившийся на Ирема островитянин отлетел как раз под ноги Альбатросу, чуть не сшиб на пол и его, после чего скорчился на полу и глухо застонал. Он крепко прижимал ладонь к лицу, и между пальцами текла кровь.

– Что смотрите? Наверх его, – сквозь зубы приказал сэр Ирем. Нойе с Криксом коротко переглянулись. Когда Ирем

говорил подобным тоном, задавать ему вопросы было крайне неразумно, так что они молча подняли островитянина и потащили его к лестнице.

Только доведя шатающегося Энно до комнаты Альбатросса и кое-как усадив его на узкую кровать, «дан-Энрикс» с Нойе вспомнили, что Лар остался в нижнем зале. В момент появления мессера Ирема он, надо полагать, по своему обыкновению сжался в комок в каком-нибудь углу, но уж теперь-то рыцарь его обязательно заметит.

– Может быть, спуститься?.. – неуверенно предположил «дан-Энрикс». – Объяснить мессеру Ирему, в чем дело...

– Сами разберутся, – отозвался черствый Нойе. – Лучше последи, чтобы этот герой не пачкал кровью и соплями мой матрас. А я пока найду воды и пару старых тряпок.

Язвительные слова Нойе оставили Энно абсолютно безучастным. Криксу даже показалось, что он попросту не слышит, о чем они говорят. Лицо островитянина было мертвенно-бледным и каким-то неживым. Кровь пузырилась на губах островитянина и каплями стекала с подбородка, пачкая ему рубашку.

Когда дверь за Нойе закрылась, «дан-Энрикс» осторожно тронул Энно за плечо.

– Из-за чего ты дрался с Иремом?..

Энно посмотрел на Крикса мутными глазами, а потом разлепил окровавленные губы – и выдал такую длинную тираду в адрес Ирема, что пораженный красочностью и разнообразием

зием эпитетов южанин забыл даже оскорбиться. Хотя речь, как-никак, шла о бессменном главе Ордена, а также о его почтенной матушке и прочих предках до десятого колена. Энно говорил с минуту без малейшей передышки, а потом внезапно разрыдался. Пораженный энониец стоял рядом с ним, не зная, что теперь сказать. Смотреть на плачущего Энно было жутко – и, пожалуй, положение ничуть не облегчало то, что Крикс начал догадываться о причине ссоры.

Глава XVIII

В день годовщины коронации лорд Ирем вошел во дворец с таким лицом, что попадавшиеся на пути придворные благоразумно отступали в сторону, стараясь ненароком не привлечь к себе его внимание. Даже сам Ирем чувствовал, что он летит по лестницам и коридорам, словно камень, выпущенный из пращи – совсем неподобающая спешка для дворца правителя. Рыцарь спросил себя, кто из этих аристократов, торопливо отводящих взгляд при его появлении, знал о затее Аденора с самого начала, и почему ни один из них не обратился к Ордену. В чем главная причина – в нелюбви к наушничеству, крайнем легкомыслии или в тайном сочувствии Дарнторну и Финн-Флаэнам? Ирем пообещал себе, что тщательно обдумает этот вопрос. Но прежде всего следовало побеседовать с Валлариксом.

Когда сэр Ирем вошел в аулариум правителя, Валларикс на секунду поднял взгляд – и рассеянно улыбнулся.

– Хорошо, что ты пришел, мессер... Этим бумагам нет конца. Может, хотя бы ты поможешь мне отвлечься.

«Это точно», – согласился Ирем мысленно. Он подошел к окну и настезь распахнул сетчатые ставни. В кабинет императора ворвался ледяной осенний ветер и подхваченная им лавина звуков с улицы. Валларикс покосился на окно.

– Что там за шум?

– Лорды из вашего совета выражают свою преданность престолу, – ядовито сказал рыцарь. – Посчитав недопустимым, чтобы годовщина вашей коронации прошла без подobaющих торжеств, они решили оплатить сегодняшнее празднование из своих личных средств. Такая щедрость сразу покорила все сердца. Если вы отвлечетесь от своих занятий и спуститесь в город, то сможете убедиться, что на каждом перекрестке пьют за Дарнторна, Финн-Флаэна и Аденора. Последнее имя должно вас особенно порадовать, поскольку этот человек – ваш друг. Так что, мне приказать, чтобы вам подали коня? Если хотите, я готов поехать в Нижний город вместе с вами. Вам наверняка покажется, что война уже закончилась, и вообще настал Золотой век. Правда, почти никто не вспоминает о дан-Энриксах, но пьют и веселятся все без исключения... По моим данным, один только Аденор выставил для мастеровых пару десятков бочек эшарета, не считая более дешевых вин.

Лицо Валларикса застыло.

– Как... глупо, – тихо сказал он.

– «Глупо»? – металлическим от злости голосом переспросил сэр Ирем. – Я надеюсь, что вы это не про лорда Аденора. Этот человек имеет кучу разных недостатков, но уж в глупости его никто не обвинит. Готов поспорить, что сегодняшние торжества – его идея. Дарнторн слишком презирает чернь, а у Финн-Флаэна попросту не хватило бы мозгов. Но Аденор умеет убеждать людей, так что сейчас все трое действуют в

полном согласии. Вас это не тревожит, государь?.. Вы же не думаете, что ваши противники швыряются деньгами от избытка простодушия...

Валларикс провел ладонью по лицу, как будто пытался стереть с него усталость.

– Ирем, ты придаешь этому слишком большое значение. По-твоему, меня должно привести в ярость сообщение, что моим лордам вздумалось гоняться за дешевой популярностью?.. Меня гораздо больше огорчает мысль о том, какое применение можно было найти этим деньгам.

– Ну, а меня гораздо больше огорчает мысль, что ваши давние враги заигрывают с плебсом. Я немедленно начну расследование, что затекает наш триумvirат. И первым делом поставлю своих людей следить за каждым шагом лорда Аденора.

Валларикс вздохнул.

– Конечно... кто бы сомневался! Надо было сразу догадаться, что весь этот разговор сведется к Аденору. Если бы ты только знал, мессер, как меня утомила ваша бесконечная война... Дня не проходит, чтобы кто-нибудь из вас не пришел докучать мне жалобами на другого. А потом вы оба вдосталь оскорбляете друг друга на советах. Альды мне свидетели – с этим давно пора покончить.

«Именно, – ответил рыцарь мысленно. – С этим двоедушным лицемером следует покончить, пока дело не зашло слишком далеко».

Финн-Флаэн и Дарнторн не волновали его даже вполонину так, как Аденор, который вел какую-то непонятную игру. Если бы тот все время действовал во вред «имперской» партии, Ирем это понял бы. Но на совете Аденор нередко делал очень толковые предложения, как будто, и правда, интересовался государственной политикой. А в остальное время он торчал у Валларикса, развлекая императора своей поверхностной, но остроумной болтовней. Другому человеку это помешало бы работать, но Валларикс всегда был способен без усилий выполнять несколько дел одновременно и, похоже, ничего не имел против общества Ральгерда Аденора.

Но сильнее всего озадачил сэра Ирема один недавний разговор в приемной императора. Обсуждали отъезд Альверина Финн-Флэана в Каларию, из-за которого он недавно расторг помолвку с Лейдой Гвенн Гефэйр – чтобы не вынуждать леди дожидаться жениха вторично, как сказал сам Альверин. Сэр Ирем мрачно думал, что, похоже, молодой Финн-Флаэн очень сильно любил свою невесту. Отказаться от столичной жизни ради девушки, которая к тому же предпочла тебе другого – такое встречается довольно редко. Впрочем, все усилия Финн-Флэана придать разрыву более благопристойный вид грозили пойти прахом, потому что столичным сплетникам слишком хотелось найти в этом происшествии что-то скандальное. «Бедный Финн-Флаэн – оказаться рогоносцем еще до того, как обвенчаться со своей избранни-

цей!» – с сочувственной улыбочкой заметил Флориан Фессельд, косясь на коадьютора. Лорд Ирем мог только скрипеть зубами, потому что заступаться за оруженосца было глупо. Фэйры бы побрали Рикса с его легкомыслием! И весь гадючий выводок Фессельдов заодно... Такое ощущение, что людям делать нечего, кроме как обсуждать «дан-Энрикса». Будет очень обидно, если Гodelвейн Гефэйр убьет южанина за то, что тот спит с его дочерью. Тем более что Ирем готов был побиться об заклад, что с Лейдой Рикс пока не спал.

– Вы полагаете, что Лейда была неверна своему жениху? – осведомился Эймерик Финн-Флаэн с любопытством. Его собеседник пожал тощими плечами.

– Это почти доказано... Помните, как она танцевала на пиру с оруженосцем коадьютора?.. Все говорят, что этот энониец ее соблазнил.

Стоявший рядом с Флорианом Аденор улыбнулся Ирему через всю комнату и щелчком сбил пылинку с бархатного рукава. Среди вельмож из Малого совета Аденор смотрелся, как павлин на голубятне, но даже сейчас его костюм заметно выделялся среди остальных: он надел бархатный колет почти такого же оттенка, что и темно-синие плащи орденовых рыцарей. Дополняла костюм витая золотая цепь у горла и кипенно-белая сорочка. Щегольство такого рода всегда казалось Ирему просто тошнотворным, а вот Аденору это почему-то шло.

– «Все говорят», – это не аргумент, – лениво сказал Аде-

нор. – Все также говорят, будто южанин соблазнил эту забавную служаночку с толстыми косами... кажется, Тилле. И все это только потому, что он помог ей донести корзину с кухни. Скоро скажут, что он обесчестил леди Лэнгдем!

Все расхохотались, и опасный разговор был временно забыт. В первый момент сэр Ирем не почувствовал ничего, кроме огромного облегчения. Но с какой стати Аденору вздумалось вступаться за «дан-Энрикса» – этого лорд понять не мог, а непонятные поступки всегда представлялись ему самыми опасными. В особенности, когда речь шла о поступках человека вроде Аденора.

– Крикс, подожди! – сидевший за столом в скриптории Ликар схватил его за рукав, и энониец поневоле должен был остановиться. – Я сегодня видел, как ты дрался... утром... Когда Нетопырь поставил против тебя Мартелла с Декарром.

Крикс поморщился. Ликар выбрал самую неподходящую минуту, чтобы с ним заговорить. В проходе у стола как раз стояли Люберт Дарнторн и его приятели – Декарр с Фесельдом. Ларс Тинто, который когда-то был четвертым в их компании, служил Бейнору Дарнторну в Каларии и был убит при взятии Сокаты. Если бы не Лен-Деннор, Крикс ни за что не стал бы останавливаться рядом с этой троицей. Тем более что совесть у «дан-Энрикса» была определенно нечиста.

Последний раз он видел Люберта два дня назад. Они столкнулись в парке Академии – точнее, Крикс случайно обратил внимание на ковыляющего по тропинке человека, а

мгновение спустя узнал Дарнторна – и застыл от изумления. Левый глаз Люберта заплыл, губа казалась вдвое толще, чем обычно, и чуть ли не каждый миллиметр кожи покрывали отцветающие синяки.

Люберт тоже узнал «дан-Энрикса» и уставился на него так, как будто бы увидел ядовитую змею.

– Кто это сделал? – глупо спросил Крикс.

Люберт попытался молча разминуться с энонийцем. Может быть, стоило посторониться и дать ему пройти, но энониец удержал Дарнторна за рукав и повторил – с необъяснимым даже для себя упрямством:

– Кто?..

– Полагаю, тебе лучше знать. Я их не видел, – зло ответил Люберт.

Крикс страдальчески поморщился. В Академии такая шутка называлась коротко – «сыграть в мешок». При этом роль мешка могло играть все, что угодно: чья-нибудь рубашка, одеяло или даже старая попона. Жертве закрывали голову, а потом били, иногда целым отрядом, так что пострадавший при всем желании не мог пожаловаться на обидчиков Наставникам.

Мгновение спустя до Крикса дошел смысл слов Дарнторна.

– Ты думаешь, что я имею к этому какое-то отношение?.. – недоверчиво спросил он.

Люберт недобро улыбнулся.

– А что, нет?.. Ну, значит, это кто-то из твоих друзей. Не забудь их поблагодарить. Они ведь для тебя старались.

Крикс похолодел, сообразив, что Льюс не так уж и не прав. Афеин Рейхан как-то обмолвился, что Люберта будут травить, пока он добровольно не уйдет из Академии. Тогда Крикс просто пропустил эти слова мимо ушей. Он не потребовал, чтобы Дарнторна оставили в покое – хотя его-то остальные могли бы послушать.

Получается, что он действительно в какой-то мере виноват в случившемся. А хуже всего то, что в избиении наверняка участвовал кто-то из его товарищей. Ну, пусть даже не Маркий и не Юлиан, но уж наверняка кто-то из тех, кого «дан-Энрикс» привык называть друзьями.

– Все, Пастух, налюбовался?.. – грубо спросил Льюс. – Тогда посторонись и дай пройти.

Крикс молча провожал его глазами, пока Люберт не исчез за поворотом. На душе у него было мерзко.

Было бы гораздо лучше, если бы Дарнторн действительно убрался из Лакона. Но, конечно, гордость не позволит Льюсу сделать то, чего от него добиваются... и значит, Криксу так или иначе придется все время сталкиваться с ним то здесь, то там – как, например, сегодня.

Следовало бы стряхнуть руку Ликара и уйти, не ввязываясь в разговор. Но Лен-Деннор смотрел на него с таким выражением, что Крикс помимо воли задержался.

– Ну и что?.. – нетерпеливо спросил он.

Ликар заторопился.

– Я хотел сказать – это было невероятно! Может быть, ты дашь мне несколько уроков фехтования?

Крикс вспомнил их уроки с Лейдой и вздохнул. Если так пойдет дальше, то скоро у него не будет отбоя от учеников.

– В Лаконе есть наставники, – напомнил он. – При чем тут я?..

– Наставники... – протянул Лен-Деннор. – Хочешь сказать, тому, что ты устроил на дворе, ты научился в Академии?

Южанин сдавленно вздохнул. Пожалуй, тут Ликар его переиграл.

– Я научился этому у предводителя Лесного братства, – сказал Крикс. – Он был Неэри, Снежным Соколом.

– Я слышал, что он был хромым и почти ничего не видел днем, когда светло, – вмешался Люберт, с каким-то недобрым любопытством слушавший их разговор. – Значит, этот калека в самом деле знал какие-нибудь фокусы?..

– Заткнись, Дарнторн, – процедил Крикс, почувствовав внезапное мучительное жжение в груди. Следовало предвидеть, что после недавней встречи в парке Люберту захочется взять реванш за свое унижение. А то, что он избрал своей мишенью Астера... в конце концов, даже на тренировочной площадке никакой прием не казался Люберту запретным, если позволял достичь желаемого. – Встреть ты Астера в бою – ты бы обгадился, не успев достать меч.

– А что, он и правда превращался в сокола? – спросил Ликар, надеясь, видимо, немного разрядить обстановку.

Люберт нарочито зевнул, прикрыв ладонью рот.

– Превращался или нет – но «Горностаи» все равно зарезали его, как курицу.

Перед глазами Крикса, словно наяву, мелькнули смятые и окровавленные перья на снегу.

Он сам не понял, как выхватил из ножен меч.

– Еще хоть слово, Люс... – горло перехватило спазмом, и угроза осталась недосказанной.

– И что ты тогда сделаешь? Вызовешь меня на поединок?.. – спросил Люберт. Он заметно побледнел, когда южанин обнажил оружие, но продолжал смотреть на Крикса с откровенно вызывающей улыбкой.

«Да ведь он же этого и добивается», – подумал Крикс с какой-то странной трезвостью. Сжимающая меч рука южанина как будто налилась свинцом. Некстати вспомнилась присказка Астера. Никогда не доставай из ножен меч, если не собираешься кого-нибудь убить, – посмеиваясь, говорил Неэри своему ученику. – И никогда не убирай его назад, не сделав то, что собирался.

Что сказал бы Астер, если бы видел его в эту самую минуту? Надо думать, он назвал бы Крикса дураком. И был бы совершенно прав.

Как назло, сейчас в глаза южанину особенно навязчиво бросались отцветающие синяки на лице Люса. Чего добро-

го, Дарнторн и вправду верил в то, что это дело рук «дан-Энрикса» и его побратимов. Хотя проще было бы предположить, что ежедневные напоминания о его трусости в Каларии в конце концов стали для Люберта невыносимыми. Может быть, он полагал, что поединок с Криксом возвратит ему хотя бы часть достоинства?..

Дверь зала грохнула о стену так, как будто бы скрипторий брали штурмом. На пороге появился мастер Хлорд, из-за плеча которого виднелась долговязая фигура Вардоса.

«Дан-Энрикс» с облегчением опустил меч, мысленно поблагодарив того, кто догадался сбегать за наставниками. На Хлорда Крикс старался не смотреть – он еще никогда не видел мастера таким рассерженным.

С первого взгляда оценив происходящее в скриптории, мастер сказал:

– Дарнторн, пошли кого-нибудь сказать своему дяде, что сегодня ты останешься в Лаконе. Может, пара дней на хлебе и воде пойдет тебе на пользу. А ты, Рикс...

Южанин вздрогнул от уничижительного тона младшего наставника. Уж если Люберта за несколько неосторожных слов сажают в карцер, то о том, что Хлорд сочтет достойным наказанием для него самого, юноше не хотелось даже думать. Но узнать ответ на этот вопрос «дан-Энриксу» не довелось.

– Рикс пойдет со мной, – непререкаемым тоном сказал глава Лакона. Хотя в ссоре участвовали два человека, Льюса Нетопырь как будто бы не замечал – он смотрел только на

«дан-Энрикса», и тот помимо воли пожалел, что пару месяцев назад открыто бросил Мастеру-со-шрамом вызов. Дураку понятно, что теперь тот не успокоится, пока не отыграется на нем сполна. Тем более что энониец дал ему отличный повод.

На лице Хлорда отразилось колебание.

– Мастер Вардос, так как речь идет о двух моих учениках...

– Рикс вообще не ученик, наставник Хлорд, – напомнил Вардос хладнокровно. – И к тому же, это слишком важный случай. Пока я глава Лакона, я не потерплю, чтобы кто-нибудь затевал здесь поединки. Повторяю: Рикс пойдет со мной.

Крикс молча вышел из скриптория вслед за Вардосом. Сначала Нетопырь шел с таким видом, словно Крикса рядом вовсе не было, но когда они отошли от скриптория настолько, что никто не мог их слышать, глава Академии впервые посмотрел на своего спутника.

– Позвольте узнать, из-за чего вам пришлось в голову хвататься за оружие.

– Дарнторн позволил себе недопустимые высказывания о моем близком друге.

Вардос ощерился.

– Вот оно как. И вы уверены, что этот самый друг нуждается в столь решительном заступничестве?

«Вряд ли», – промелькнуло в голове у Крикса.

– Он погиб в Каларии, – объяснил Крикс. – А Дарнторн...

– Дарнторн вас провоцирует, а вы ведетесь, как щенок, – перебил Нетопырь.

Крикс промолчал. Наставник был не так уж и не прав, но тешить его самолюбие таким признанием оруженосец коадьютора не собирался.

Кабинет Мастера-со-шрамом размещался в главной башне Академии, откуда весь Лакон был виден, будто на ладони. Крикс бывал здесь всего пару раз – еще в то время, когда главой Академии был Ратенн. Южанин смутно помнил, что в то время в очаге весело трещал огонь, а стол был застелен вишневым бархатом. Теперь же кабинет приобрел такой же пустой и неуютный вид, как комната мастера Вардоса в Арк-море. Половина мебели исчезла, камин выглядел ненужной частью обстановки, зато два из трех высоких окон были открыты нараспашку, несмотря на холодную осеннюю погоду. Только оказавшись в этой комнате, «дан-Энрикс» осознал, что так и не вложил свой меч обратно в ножны, словно собирался драться с Вардосом. Какая же все-таки глупость...

Нетопырь не сел за стол – только оперся на него одной рукой и обернулся к юноше.

– Скажите: вам известно, что лаконцам не разрешено носить оружие? – спросил он почти мирно.

– Да, наставник, – признал очевидное «дан-Энрикс».

– Разумеется... А вы когда-нибудь задумывались, для чего введен такой запрет?

«Чтобы всякие идиоты, вроде нас с Дарнторном, не убивали друг друга прямо в Академии», – хмуро подумал энониец.

– Нет, наставник. Я об этом не задумывался.

– Очень жаль. Могу я взглянуть на ваш меч?

Крикс помедлил и протянул меч старшему мастеру. Чувствовал он себя при этом так, как будто бы кого-то предал.

– У меня есть для тебя подарок, – сказал коадьютор пару дней назад, когда они как раз заканчивали завтракать. Голос мужчины звучал суховато – вероятно, чтобы как-то оттенить сентиментальный смысл его слов.

«Дан-Энрикс» ощутил странное волнение, попробовав представить, о чем говорит его сеньор. До сих пор Крикс не слишком часто получал подарки, а тем более – от сэра Ирема.

Пока южанин размышлял, что это может быть, лорд Ирем уже встал из-за стола, прошел в другую комнату и через несколько секунд вернулся, держа в руках длинный меч. Даже простые ножны и прямая рукоять без всяких украшений не помешали энонийцу сразу же понять, что это не дешевое оружие. Глаза «дан-Энрикса» расширились.

– Возьми, – сказал ему сеньор. – Он твой.

Вардос взял меч, взвесил его в руке, зачем-то проверил ногтем остроту клинка... южанин наблюдал за ним в каком-то странном оцепенении. Из распахнутого окна в пустой и неудобный аулариум наставника влетал холодный и сырой

осенний ветер. Стоять возле окна в одной рубашке было холодно, и энониец с удовольствием прикрыл бы ставни, но наставник Вардос не обращал на ветер ни малейшего внимания, так что энонийцу приходилось терпеть молча. Почему-то Криксу явственно представилось, как Нетопырь размахивается и бросает меч в открытое окно, и тот, прочертив серебристую дугу, падает на блестящую мокрую крышу главного скриптория. От таких мыслей Крикс похолодел. Если Нетопырю действительно придет на ум сотворить что-нибудь подобное, то меч останется на крыше до тех пор, пока стоит Лакон, поскольку вытащить его не сможет даже самый лучший скалолаз. А хуже всего то, что Вардос будет в своем праве.

К большому облегчению «дан-Энрикса», наставник все-таки вернул ему оружие.

– Я вижу, он неплохо сбалансирован, – заметил Вардос таким тоном, будто они вели светскую беседу о достоинствах столичных оружейных мастерских. – Будьте любезны, вытяните руку... да, вне всякого сомнения, баланс отличный. Я давно не видел такого прекрасного меча. Обидно только, что достался он несдержанному олуху. Не опускайте руку, пока я не разрешу.

– Сколько я должен его держать, наставник? – спросил Крикс. Он уже слышал о подобном наказании от Арклесса – тот утверждал, что оно было изобретено, когда Гвидарикс подписал эдикт о запрете на телесные наказания в Лаконе.

Ученики, которым приходилось испытать это на своей шкуре, потом утверждали, что предпочли бы отскрести песком все грязные котлы на кухне или подмести дорожки вокруг всех построек Академии. Оставалось только радоваться, что наставник не вручил ему утяжеленный тренировочный клинок с залитым внутрь лезвия свинцом.

– Там посмотрим, – сказал мастер легкомысленно, раскладывая какие-то бумаги на столе. И, оценивающе посмотрев на юношу, добавил: – Пожалуй, я прикрою окна. Здесь слишком прохладно.

От такого проявления заботы настроение у Крикса окончательно испортилось. Если Мастер-со-шрамом счел необходимым позаботиться о сквозняках – значит, он собирается держать его здесь до тех пор, пока Крикс будет способен стоять на ногах.

Ничего страшного, – мысленно успокоил себя Крикс. – Это всего лишь меч.

К тому же – лучший меч из всех, какие он когда-либо держал в руках.

Когда оруженосец коадьютора испытывал достоинства своего нового оружия во дворе Адельстана, клинок рассекал воздух с еле слышным шелестом и казался гораздо легче, чем полагалось при его размерах. У «дан-Энрикса» никогда раньше не было настолько же удобного оружия. Когда он поделился этой мыслью с Иремом, тот рассмеялся.

– Я надеюсь! Его делали нарочно для тебя и подогнали

точно по твоей руке.

– Но я не помню, чтобы кто-то снимал мерку, – возразил южанин.

Коадьютор закатил глаза.

*– Я подбирал тебе мечи последние **четыре года**, Рикс. Поверь, я безо всяких дополнительных замеров мог сообщить своему оружейнику необходимые детали.*

Крикс подумал, что этот клинок очень похож на меч самого коадьютора, Эйсат, разве что тот несколько шире и длиннее. Вдоль клинка шли два широких желобка, а сталь казалась светлой, будто бы прихваченной поверху серебряным инеем.

– Я назову его Эльбрист – «Серебряный», – решил «дан-Энрикс».

Коадьютор выразительно прищурил светло-серые глаза.

– Тебе не кажется, что называть на древнем языке обычный новодел – претенциозно и довольно глупо?..

– Ну, вы ведь свой меч тоже назвали «Эйсатом», а не просто «Льдистым», – заметил «дан-Энрикс».

Коадьютор усмехнулся.

– Крикс, оруженосцу не к лицу говорить сюзерену «а вы-то сами!». Но если уж мы об этом... Я тогда был всего на несколько лет старше тебя самого. Было бы просто удивительно, если бы я придумал имя для меча, не прибегая к Древнему наречию. А рядом, как назло, не оказалось никого, кто посоветовал бы этого не делать... И кстати. Ты,

наверняка, об этом не задумывался, но на старом аэлинге «Льдистый» будет не Eysat, а просто Eist. Признаю твое превосходство: ты хотя бы не ошибся в переводе.

Энониец с трудом заставил себя сохранить серьезность. Может быть, сэр Ирем прав насчет нового имени его меча, но энонийцу не хотелось ничего менять. Если «Эльбрист» и впрямь звучит претенциозно, то он это как-нибудь переживет.

Еще раз посмотрев на светлый, будто бы отлитый из льда клинок в своей руке, Крикс все-таки задал Ирему занимающий его вопрос.

– Почему вы решили сделать мне такой подарок, монсе-ньор? Он должен стоить прорву денег.

Ирем отмахнулся, словно ему не хотелось обсуждать такие пустяки.

– Я заказал его в тот день, когда мы вернулись из Калари. Тот меч, который ты привез с войны, больше похож на кирку. Я не знаю, где ты его раздобыл, но он гораздо тяжелее и длиннее, чем необходимо с твоим ростом и комплекцией. Мне подумалось, что человек, который дважды спас мне жизнь, заслуживает лучшего – хотя, конечно, ты неплохо приспособился сражаться этим своим... заступом. Могу ли я надеяться на то, что хоть теперь ты от него избавишься?

– На самом деле, он не так уж плох, – вступился за свое оружие «дан-Энрикс». – Раньше это был меч Лат-Гира, зна-

меносца «Бешеного принца».

– Ну, тогда оставь его на память, только перестань везде таскать с собой.

Крикс кивнул – и лишь потом до него дошел смысл слов мессера Ирема.

Человек, который дважды спас мне жизнь...

Выходит, Ирем не забыл ни иштурм Зимнего города, ни драку на пиратском корабле.

Криксу пришлось изобразить, что он опять любителю мечом, чтобы хоть как-то скрыть свое смущение.

– Я вижу, вы скучаете, – заметил Вардос. Крикс с досадой посмотрел на мастера. Воспоминания о разговоре с Иремом успешно отвлекали его от действительности, в которой ему приходилось торчать посреди холодной башни, держа в вытянутой руке тяжелый меч. Скорее всего, Вардос тоже это понимал, раз уж решил отвлечь южанина от его размышлений. – Действительно, обидно впустую тратить столько времени. Попробую занять вас чем-нибудь полезным. Хмм... ну, для начала, проспрягайте на тарнийском глагол «hares». В переводе это будет...?

– «Делать».

– Верно. Приступайте.

Крикс немного растерялся. Он совсем недавно начал изучать тарнийский и нередко путался в склонениях и падежах. Оставалось лишь надеяться на то, что Вардос, занятый своей работой, не заметит ошибок, если говорить без пауз и доста-

точно уверенно. Поэтому, закрыв глаза, «дан-Энрикс» пустился во все тяжкие:

– Heiro, harre, harren, hars, hairamos, hamos...

– Hayes, – поправил Вардос, не отрываясь от своих бумаг.

– Hayes, – согласился Крикс, порадовавшись, что ни разу не ошибся раньше, но одновременно огорчившись, что наставник его слушает.

– Нет, так не годится. Еще раз с начала, – велел Вардос.

– Эйро, арре, аррэн, арс, айрамос, айес... – скороговоркой зачастил дан-Энрикс.

– Помедленнее. И следите за произношением.

«Да чтоб тебя!.. Вцепился, как пиявка...»

Криксу показалось, что с каждой секундой меч в его руке становится все тяжелее.

– Уже лучше, – кивнул мастер, когда Крикс еще раз повторил все шесть глагольных форм. – Но в целом с языком у вас неважно. Теперь перечислите мне все провинции в порядке присоединения к Легелиону.

...Задания сыпались на Крикса одно за другим, а рука уже начала дрожать противной мелкой дрожью. Держать Эльбрист делалось все труднее.

– Что ж... законы и историю вы знаете немного лучше, чем тарнийский. Как вы думаете, почему вы здесь? – без перехода спросил мастер, отложив перо и прямо посмотрев на Крикса.

– Из-за того, что я нарушил правила Лакона. И чуть не

вызвал Льюберта на поединок.

– Это понятно. Но я сейчас говорю не о Дарнторне и давно не о вашей идиотской выходке в скриптории. В конце концов, я мог бы предоставить это дело вашему наставнику... и пусть бы разбирался с ним, как может и умеет.

В голосе Нетопыря звучало явное пренебрежение к способностям мастера Хлорда. Этого «дан-Энрикс» вытерпеть не мог.

– Хлорд – лучший из мастеров в Лаконе, – резко сказал южанин. Нетопырь насмешливо осклабился.

– То, насколько мастер Хлорд – плохой наставник, видно в первую очередь по вам, Рикс. Просто невероятно, до какой степени нужно было разболтать в своем отряде дисциплину, чтобы воспитать таких учеников. А о его успехах в вашей подготовке можно судить по этому болвану Лен-Деннору.

«Видимо, Хлорду следовало издеваться над Ликаром так, как это делаете вы», – подумал Крикс со злостью.

– В любом случае, я спрашивал не про сегодняшнее происшествие, а про последние два месяца, – продолжил Нетопырь, как будто бы не замечая его яростного взгляда. – Так уж получилось, что я постоянно трачу на вас свое время. Вы не спрашивали себя, чего я хочу от вас добиться?

«Чтобы я попросил у вас прощения и стал плясать под вашу дудку, как все остальные?» – мысленно предположил «дан-Энрикс». Вслух же он ответил:

– Чтобы я не возражал вам на занятиях.

– Глупости, Рикс. Я мог бы отучить вас пререкаться и дерзить всего за пару дней, даже не прилагая к этому усилий, – сказал Нетопырь. И мрачно улыбнулся. – Я смотрю, это предположение так сильно задевает ваше самолюбие, что вас буквально распирает от желания мне доказать, насколько я не прав. Напрасно вы так думаете! Скажите честно: как повели бы себя ваши товарищи, если за каждый ваш проступок я стал бы наказывать не только вас, а весь отряд?

– Но так нельзя, – возразил Крикс, слегка обескураженный таким вопросом.

Нетопырь мрачно ухмыльнулся.

– Кто вам сказал такую глупость?.. Если бы вы жили в казарме или в лагере для рекрутов, вы бы узнали, что к строптивым новобранцам чаще всего применяют именно такой прием. И должен вам сказать, что результат всегда один и тот же. Если такой выскочка умен, то он утомонится сам, а если нет – его заставят это сделать его же товарищи. То же можно сказать и об учениках из вашего отряда, Рикс – всяких там Миэльвиттах и Ликарах... они ценят людей вроде вас только до той минуты, пока их заступникам приходится самим платить по счету за разбитые горшки.

– Это неправда, – процедил «дан-Энрикс».

Вардос прищурился.

– Вам что, продемонстрировать на практике?.. Я вообще подметил любопытную деталь. Как только происходит что-то, что кажется вашим товарищам несправедливостью – все

тут же косятся на вас. Они даже не сомневаются, что вы вмешаетесь. А с какой стати, вообще-то говоря? Вы ведь почти случайный человек в Лаконе. Но при этом все, включая командира вашего отряда, позволяют вам расхлебывать любую кашу. Вы приучили их, что в таких случаях можно спокойно отмолчаться, предоставив остальное вам. И следует признать, что вы для этого немало потрудились. Только посмейте сейчас улыбнуться, Рикс!.. Надо быть безнадежным идиотом, чтобы воспринять мои слова как комплимент. А я надеюсь, что про вас этого все-таки не скажешь. Вы пытаетесь нести ответственность за окружающих людей. Это не так уж плохо. Но заботиться о ком-нибудь можно по-разному. Можно по-умному, а можно – так, как вы... То есть из самых лучших побуждений делать глупости, да еще чувствовать себя героем.

Крикс вспыхнул.

– Я не чувствую себя героем, мастер!

– Помолчите. Вы себя не видите со стороны. А я имел подобное несчастье. Допускаю, что вы упивались вашей ролью стойкого страдальца неосознанно, однако вы ею упивались.

На сей раз Крикс в самом деле промолчал.

– Ага, мне кажется, вы начинаете задумываться... Это обнадеживает. Вы устали?

– Нет, – ответил Крикс, и запоздало испугался, что наставник снова обвинит его в браваре, так как им обоим было очевидно, что устал он просто зверски.

Но Мастер-со-Шрамом ограничился словами:

– Тогда потрудитесь сделать так, чтоб ваш меч не ходил ходуном... Скажите: что вы думаете делать после окончания Лакона?

Крикс считал, что Вардос уже не способен его чем-то удивить, однако каждый новый поворот беседы неизменно приводил его в недоумение. Он молча смотрел на Нетопыря, не зная, что ответить.

– Можете мне ничего не говорить, если хотите, – я не требую от вас какой-то откровенности, – пожал плечами Вардос. – Однако вы не лорд, и жить за счет доходов от своих земель не сможете. А следовательно, у вас есть только два пути: либо отправиться в одну из приграничных марок, либо вступить в Орден.

– Ну и что? – спросил «дан-Энрикс» осторожно, уже чувствуя, что Нетопырь готовится сказать очередную гадость.

– Да то, что при такой манере поведения вы и недели не продержитесь ни там, ни там! – сказал наставник жестко. – И в имперской гвардии, и в гарнизоне от любого человека, прежде всего, требуется хладнокровие и дисциплина – то есть как раз то, чего у вас и в помине нет.

Крикс молча смотрел на Мастера-со-Шрамом, из последних сил удерживая меч.

– Ну, а теперь ответьте на вопрос, который я вам задал с самого начала. Чего я хочу от вас добиться?

– Чтобы я не делал глупостей, – ответил Крикс.

— Я начинаю думать, что вы не настолько безнадежны, как мне показалось. Опустите руку.

Лейда поднялась на ноги и отряхнула выпачканные в грязи штаны. Выполнить перекат опять не удалось. У Крикса это выходило удивительно непринужденно, с какой-то почти кошачьей грацией. И меч ему нисколько не мешал. Лейде свой пока приходилось класть на землю, чтобы ненароком не выбить себе глаз. Она нагнулась за мечом, гадая, сколько еще времени пройдет, прежде чем у нее начнет хоть что-то получаться. Энониец, правда, говорил, что у нее уже выходит лучше, чем у новичков в Лаконе, приступивших к обучению одновременно с ней, но Лейда не могла знать, действительно ли он так думает или же просто хочет ее подбодрить.

Лейда встала в стойку, мысленно перебирая те движения, которые «дан-Энрикс» показывал ей в последний раз. Обычно они фехтовали здесь же — на площадке за дворцовыми конюшнями. Если даже кто-то из спешивших мимо слуг и узнавал в Лейде аристократку из дворца, то ни один не был настолько глуп, чтобы как-нибудь выказать свою осведомленность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.